

ВАЛЕРИЙ КОЛЕСНИКОВ

БИТВА НА КАЯЛЕ

СУПЕР ИЗДАТЕЛЬСТВО

Валерий Колесников

Битва на Каяле

«СУПЕР Издательство»

2018

Колесников В.

Битва на Каяле / В. Колесников — «СУПЕР Издательство», 2018

ISBN 978-5-907087-73-6

В книге с критической точки зрения анализируется общепринятая концепция о походе князя Игоря в половецкую степь на юг причерноморского Дона. Высказывается гипотеза о совершенно другом направлении похода, а именно на запад, на север Адриатики, в долину реки По (Эридан). Это связано с особенностями процесса завоевания славянскими народами в V–VI веках Балкан, Греции и Северного Средиземноморья. В «Слове о полку Игореве» древний поэт показал, по мнению автора, заключительный этап славянской экспансии в центральной части бывшей Римской империи, и раскрыл причины, по которым древние русичи не смогли удержать эту заморскую территорию (землю Трояню) в своей вассальной зависимости. В книге сделана попытка в свете новой парадигмы комплексно раскрыть темные места СПИ, а также представлен на суд читателей поэтический перевод в альтернативной форме. Чтобы обосновать свой альтернативный перевод, я написал к нему расширенный комментарий. Где попытался раскрыть совершенно другую точку зрения на происходившие в то далекое время события. Это свежий, непредвзятый взгляд со стороны. Материал в книге подан в относительно простой и доступной форме. В ней затронуты такие вечные темы, как любовь, власть и война. Книга рассчитана на широкий круг читателей, которые интересуются историей нашей страны.

ISBN 978-5-907087-73-6

© Колесников В., 2018

© СУПЕР Издательство, 2018

Содержание

Вступление	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Колесников Битва на Каяле

Вступление

– И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть, – Воланд протянул руку. – Я, к сожалению, не могу этого сделать, – ответил мастер, – потому что я сжег его в печке. – Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят. – Он повернулся к Бегемоту и сказал: – Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман. Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей. Верхний экземпляр кот с поклоном подал Воланду. Маргарита задрожала и закричала, волнуясь вновь до слёз: – Вот она, рукопись! Вот она!

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Кто в нашей стране не слышал о замечательном памятнике литературы Древней Руси XII века «Слово о полку Игореве»? При упоминании о нём кто-то вспомнит из школьной программы «плач Ярославны» в переводе Н. Заболоцкого, кто-то арию князя Игоря из оперы А. П. Бородина, кто-то недоумённо пожмёт плечами и не станет напрягаться по этому поводу. «Какой Игорь? Какие ещё половцы? Кому сейчас это нужно?» – с усмешкой спросят они. И таких людей, к большому сожалению, в нашей стране становится всё больше. В век голого прагматизма и повсеместного одичания, в мире всеобщего потребления главными жизненными правилами являются примитивные и понятные всем установки, такие как: «Бери от жизни всё! Живи в своё удовольствие! Не думай ни о чём!» Но, как сказано в писании, «не хлебом единым жив человек...». В данной аналитической работе заинтересованный читатель найдет не совсем обычное переложение древнерусского текста, являющееся альтернативой объяснительному переводу Д. С. Лихачева и тому традиционному пониманию, которое на сегодняшний день преобладает в лингвистике и медиевистике по данному вопросу.

Первоосновой любого перевода является точность смыслового прочтения. По мере возможности я старался придерживаться этого золотого правила. В моей работе на обсуждение вынесены на первый взгляд простые вопросы, например, где и когда произошла битва на реке Каяле. Многие, наверное, скажут, что тема давно исследована, практически все тёмные места в «Слове...» изучены и после таких научных светил, как Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков и Д. С. Лихачев, она стала не такой актуальной, какой была раньше. Всё же хотелось бы придать дополнительный импульс старым спорам о времени и месте похода, о цели, которую преследовал князь Игорь, избавить тему от стереотипов и направить современную дискуссию по этим вопросам в практическое русло. Также в работе проведено небольшое аналитическое исследование с целью выяснить, в каких исторических условиях проводилась работа по первоначальному переводу обнаруженной в Ярославск монастыре рукописи. Почему в то время так, а не иначе трактовались те географические названия, о которых идет речь в «Слове», и на какой исторический фундамент стали опираться основные постулаты и идеи самого первого перевода древней рукописи, который и заложил основу для будущих исследователей. Все эти моменты имеют принципиальное значение для отечественной истории и культуры. Как только становится понятным, где на самом деле произошла битва, произведение сразу же раскрывается совсем с другой стороны, у него словно появляется второе дыхание. Старые предположения становятся ненужными и теряют свои невнятные объяснения. Так называемые темные и испорченные места в «Слове о полку Игореве» по большей части проясняются, а все непонятные и неузнаваемые слова принимают свои нормальные и естественные значения. Для дальнейшего понимания моих мыслей читателю необходимо принять на веру несколько аксиом.

Во-первых. Первоначальная рукопись «Слова о полку Игореве» существовала в действительности, а не была сфальсифицирована в конце XVIII века русскими литераторами. Такая

«гипотеза сомнения» появилась практически сразу после утраты оригинала. Затем в 1890 году французский славист Луи Леже вскользь высказал предположение, что «Слово о полку Игореве» – подделка, списанная с памятника конца XIV века, рассказывающая о Куликовской битве «Задонщины». Эту мысль в 1940 году развил в своей монографии «Le Slovo d'Igor» другой француз – профессор философского факультета Страсбургского университета Андре Мазон. Профессор Мазон видел в «путаной», «бессвязной» композиции «Слова...» одно из доказательств его поддельности: дескать, фальсификатор не способен свести концы с концами. Он приписывал авторство «Слова о полку Игореве» директору Московского архива Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменскому.

Практически сразу в 1941 году с опровержением этой идеи выступил русский языковед А. В. Исаченко, живший в то время в эмиграции в г. Любляне. В своей статье «Двойственное число в» Слове о полку Игореве» он апеллировал к простому факту. Формы двойственного числа (грамматические формы, указывающие на два предмета или два лица) в «Слове...» таковы, что извлечь их из доступных в конце XVIII века восточнославянских памятников было невозможно, а стандартная информация, которой мог располагать автор этой поздней эпохи, предполагала иные формы двойственного числа, отличные от употребляющихся в «Слове...». Значит, по его мнению, о поздней подделке не может быть и речи. Кроме Исаченко, за рубежом в полемику с Мазоном вступил выдающийся русский филолог Р. О. Якобсон, живший в то время в Америке. Его работы показали всю несостоятельность идей Мазона, ему также принадлежит реконструкция текста «Слова...» и перевод на современный русский язык, разбивка на строки в котором считается канонической.

В Советском Союзе для борьбы с теорией Мазона были задействованы лучшие историки и филологи: Н. К. Гудзий, В. П. Андрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман. После выхода в свет в 1962 году специального сборника «Слово о полку Игореве – памятник литературы XII века» по идеям французского слависта был нанесен серьёзный удар, на некоторое время притихли даже его зарубежные сторонники. Страсти улеглись, и этот вопрос казался окончательно решённым. Но передышка оказалась недолгой: ещё не успел остыть прах концепции Мазона, как 27 февраля 1963 года в Пушкинском доме в Ленинграде выступил с докладом А. А. Зимин. Когда в обморочной тишине отзвучало его последнее слово, председательствующий И. П. Ерёмин потрясённо произнёс, что находится в состоянии шока. И было отчего: «Слово...» объявил фальшивкой не какой-то представитель буржуазной филологии, который по определению не может сказать ничего путного, а восходящая звезда советской исторической науки, признанный и блестящий учёный. Годом ранее, в возрасте сорока двух лет (уникальный для гуманитария того времени случай), Зимин даже баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР.

Второй его доклад, уже с прениями, состоялся в начале мая 1964 года в Москве. Зимин считал, что филологи это произведение как текст проанализировать не смогли и кому-то придется за это дело взяться. Историк, в принципе, заимствовал схему Мазона о первичности «Задонщины», но провёл гораздо более тщательное исследование текстов. В частности Зимин пришел к выводу, что зависимость «Слова...» от «Задонщины» не прямая, а между ними существовал какой-то неизвестный памятник, с которого и было списано «Слово...». В заключение Зимин сказал, что его и Мазона разделяют, прежде всего, методологические основы исследования. «Для меня, как историка-марксиста, главное – социально-политическое содержание “Слова...”, его органическая связь с идейной борьбой конца XVIII века. Для Мазона это – “пастиш” (стилизация), который навеян Оссианом*, преисполнен галлицизмами и т. п., то есть не органическое явление русской литературы, а навеянное иноземными влияниями. Это решающее, основное».

Вот как характеризовал точку зрения Зимина его сторонник и сподвижник, историк В. Б. Кобрин: «Оригинальный и глубокий учёный, наделённый острым скептическим умом, Зимин

пришёл к выводу, что “Слово...” – не средневековое произведение XII века, а гениальная стилизация второй половины XVII века. Дело не в том, прав был Зимин или нет, хотя я лично убеждён его аргументами. Дело в другом. Ведь и кроме Зимина были учёные, сомневающиеся в традиционной датировке “Слова...”, относившие его то к концу XVII, то к XVIII веку. Но зная религиозно-фанатическое отношение к этому памятнику, помня, как обвиняли в антисоветизме крупного французского слависта Андре Мазона, считавшего “Слово...” подделкой, они не решались ни обнародовать свои сомнения, ни потратить годы напряжённого труда на серьёзное исследование, сулящее лишь трения без лавров. Зимин же считал, что, выступив открыто со своей точкой зрения, он поможет утвердить мысль, что в науке нет запретных тем, нет источников, которые не могли быть подвергнуты критическому анализу».

По мнению Я. С. Лурье, возникшая полемика и споры, вызванные докладом Зимина, не были напрасными и принесли немалую научную пользу. Схема взаимоотношений текстологических групп и отдельных списков «Задонщины», существовавшая до Зимина, потребовала серьёзных корректив; текстологические схемы, принятые в науке в настоящее время, не идентичны прежним, существовавшим до 1963 года. Это следствие обширной текстологической работы над «Задонщиной», порожденной спорами с Зиминим. В последние годы у Зимина возникла потребность обобщить накопившийся материал по методике источниковедения и текстологии. Он ставит вопрос о разграничении источниковедческих гипотез, догадок и домыслов, о принципах сопоставления параллельных текстов (случаи «необратимости сопоставлений»), возражает против высказанного недавно тезиса о «презумпции невиновности источника», пытается сформулировать пока еще не вполне ясные принципы «источниковедения системы фактов». Труды эти, к несчастью, остались незавершенными.

После разгромной критики Зимина, носившей не совсем корректный и не всегда научный характер и сглаженной вмешательством идеологической комиссии ЦК КПСС во главе с Ильичёвым, дискуссия постепенно утихла. Но споры по этому вопросу не прекращаются и в наше время, хотя, по мнению некоторых историков, подлинная реабилитация «Слова...» произошла несколько десятилетий назад, когда в руки филологов попал Кодекс Куманикус – «Латинско-половецко-персидский словарь» из библиотеки Франческо Петрарки, составленный якобы каким-то средневековым эрудитом. Они утверждают, что в тексте «Слова...» имеются многочисленные заимствования из половецкого языка XII века. Примеры таких заимствований они почему-то не приводят. Но чтобы серьёзно опираться в своих доказательствах на этот словарь, надо сначала убедиться, что он не подложный. Учёные же, выдвигающие такую версию подлинности «Слова...», считают половцев дикими азиатами из Причерноморской степи, говорившими на одном из многочисленных тюркских языков. А раз носители этого языка полностью исчезли к концу Средневековья, то, по их мнению, очевидно, что намеренная фальсификация в данном случае невозможна, потому что в XVIII веке в России уже никто не помнил живую половецкую речь, и, следовательно, никто не мог вставить половецкие слова в текст «Слова...». И всё же «теорию сомнения» Мазона – Зимина опровергли ведущие слависты ещё в советское время, а окончательную точку в этом вопросе, по мнению некоторых ученых, поставил академик А. А. Зализняк.

Доказательства Зализняка по этому вопросу опираются на раскрытие им тончайших закономерностей древнерусского языка. Он считает, что гипотетический фальсификатор XVIII века должен был бы обладать немислимыми качествами, а именно знать эти закономерности и скрывать своё знание от современников. Зализняк обращает внимание читателя-лингвиста на то, в чём состоит трудность имитации языка древнего текста. Он пишет: «Легче всего вставить в текст взятые из подлинных памятников необычные слова. Их можно набрать, даже не утруждая себя сплошным чтением объёмистых летописей и т. п., – достаточно сделать выписки при просмотре. Совсем иное дело, когда требуется воспроизвести некоторую грамматическую закономерность, реализованную в выбранном памятнике, скажем, установить, по каким пра-

вилам в нём распределены комплексы типа слышаль еси и типа еси слышаль, и соблюсти эти правила в поддельном тексте. Здесь уже недостаточно не только беглого просмотра, но даже и полного просмотра памятника» (§ 5, с. 29). Его книга, по сути, закрывает двухсотлетнюю дискуссию о подлинности древнерусского памятника. Но не для всех. Доказательность языковедческих доводов остаётся невнятной для нелингвистов, которым не под силу признать, что строгость лингвистических утверждений качественно отличается от занимательных, но необязательных рассуждений о поэтике, образном строе, влиянии одной литературы на другую.

Во-вторых. В нашей исследовательской литературе утвердилась устойчивая версия, что большое количество тёмных мест в СПИ – это прямое следствие некачественной и невнимательной переписки первоначального авторского текста, происходившей на протяжении нескольких веков. Но это всего лишь красивая отговорка. Всё дело в нас самих, в нашей оценке прошлого в той трактовке событий, которую дают нам традиционные историки. В данной ситуации имеет место явная попытка собственные огрехи свалить на тех людей, которые уже никогда не смогут оправдаться. Любому человеку свойственно ошибаться, и под «ошибками» следует подразумевать те написания в СПИ, которые невозможны в рукописи XII–XIII веков, но типичны для списков XV–XVI вв., отклонявшихся от оригинала под влиянием живого языка переписчика (например, написания «ки», «ги», «хи» вместо «кы», «гы», «хы»). Оказывается, таких отклонений больше в конце «Слова...», нежели в начале. Такой эффект хорошо известен специалистам, которые работают со средневековыми рукописями: в начале писец очень тщательно копировал переписываемый текст, а к концу уставал и от оригинала отвлекался. Первые переписчики, участвовавшие в издании 1800 года, и их предшественники (монахи-летописцы XIV–XVI веков) очень скрупулезно, грамотно и добросовестно выполнили порученную им работу. И только благодаря их кропотливому труду мы видим сегодня сквозь толщу времени художественную красоту и совершенство этой древней саги, хотя сам перевод и комментарии, написанные к нему под руководством А. И. Мусина-Пушкина, оставляют желать лучшего. Соответственно, вина за непрочтение тёмных мест и само их существование лежит не на средневековых писцах, а на исследователях и комментаторах «Слова...» XIX–XX веков.

В-третьих. Надо очень осторожно и самым критическим образом подходить к той исторической оценке описываемых событий, которую нам стараются навязать многочисленные комментаторы «Слова...». В первую очередь надо отбросить в сторону ту немецко-норманнскую концепцию Российской истории, которую сформировали Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер, Г. З. Байер. В дальнейшем эту теорию развили в своих научных трудах их ученики Н. М. Карамзин и М. П. Погодин и закрепили в науке их идейные последователи С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин. Именно они трудились и переименовывали её по заказу Романовских императоров и императриц голштинского рода, среди которых особенно рьяно пытались повлиять на этот процесс Екатерина II и Александр II.

Так почему иноземцы так прочно и основательно уцепились за Российский престол, почему норманнизм так сильно пустил корни в отечественной истории и искаверкал наше прошлое?

Для ответа на эти вопросы перенесемся в первую половину XVIII в., когда после смерти Петра II (в ночь на 19 января 1730 года) в стране сложилась вполне благоприятная обстановка для плодотворных преобразований в государственной системе. С кончиною Петра II пресеклось мужское колено императорского дома, поэтому князь В. Л. Долгорукий и его сподвижники посчитали это обстоятельство подходящим поводом, чтобы власть российских императоров некоторым образом ограничить. Когда в Совете стали обсуждать вопрос о преемнике только что скончавшегося императора, князь Д. М. Голицын произнёс речь, в которой доказывал, что дочери Петра не имеют права на престол, потому что родились до вступления его в брак с их матерью. Завещание Екатерины, по которому престол после Петра II в случае без-

детной его смерти переходил к ее дочерям, само по себе не имеет силы, потому что женщина, будучи низкого происхождения, сама не имела прав на престол и не могла им распоряжаться.

Поэтому князь Голицын неожиданно предложил избрать на престол племянницу Петра, дочь царя Ивана, вдовствующую герцогиню Анну, которую Пётр ещё в 1710 году выдал за курляндского герцога. Представители старой московской боярской знати хотели вернуть свои частично утраченные в ходе реформ Петра I привилегии и денонсировать принятый незадолго до его смерти новый «Указ о престолонаследии» (опубл. в 1722 г.), который существенно нарушил расстановку политических сил в стране. В петровском «Уставе о наследовании престола» было дано обоснование прав царствующей особы назначить себе преемника по своему усмотрению, минуя старшего сына. Этот документ был тесно связан с делом царевича Алексея, и первый российский император пытался закрепить начатые им в нашей стране реформы. После смерти Петра I так называемая «русская партия», интересы которой в тайном Верховном совете выражали Голицыны и могущественный клан Долгоруких, попытались ограничить самодержавную власть и в будущем предполагали ввести в стране прямое государственное правление. При Петре II «верховники» – так звали членов Верховного Тайного Совета в 1726–1730 годах – настолько сильно укрепили свои позиции, что, пригласив на русский престол Анну Иоанновну, предложили ей особые условия – «Пункты» («Кондиции»). Вот содержание этих пунктов, изложенных в письме Верховного совета, посланном из Москвы в Митаву: императрица-вдова во всю жизнь не вступает в брак и не назначает себе наследника, правит вместе с Верховным Советом, состоящим из 8 персон; без согласия Совета не начинает войны и не заключает мира; не вводит новых налогов; не жалует чины выше полковника, предоставляя командование гвардией и прочими войсками одному Совету; никого из шляхетства без суда не лишает жизни, чести и имущества; не раздаёт вотчин и не расходует государственных сумм без согласия того же Совета. Эти условия скреплялись словами от имени избранной императрицы: «А буде чего по сему обещанию не исполню, лишена буду короны российской».

Кондиции ограничивали власть императрицы в пользу Верховного Тайного Совета и означали юридическое оформление уже давно имевшихся у этого учреждения прав. Монарх даже лишался права определять наследника, что, по мнению Лефорта, следовало понимать как «начало избирательного образа престолонаследования». Ночь с 18 на 19 января 1730 года вошла в историю как попытка ограничения самодержавия Анны Иоанновны. Именно после подписания этих условий она благополучно воцарилась, и в дальнейшем кондиции должны были служить своеобразной платой за её спокойное и чисто номинальное царствование. Расчет «верховников» был прост: они рассудили, что Анна Иоанновна, не имея опоры в России, ради получения короны с радостью согласится на все их требования. В этом документе отразилась попытка установления своеобразной олигархической формы правления – этакой «смеси» английской конституционной монархии, где король играет чисто церемониальную роль, и шведской коллегиальной системы, государственный совет которой так много значит, что ставит преграды верховной королевской власти. Что-то подобное русским вельможам хотелось реализовать и у себя в стране и уже законным путём приподняться над самодержавием, установив вместо абсолютной монархии новую форму правления – монархию ограниченную, стеснённую законом. К этому их непроизвольно подталкивали новые формы общественных и экономических отношений, складывавшихся как в мире, так и в России, где самобытный и размеренный патриархальный уклад жизни был взорван петровскими начинаниями. Дело грядущих преобразований было послушно воле Голицына, одного из наиболее просвещённых людей своего времени. Заметим, кстати, что его библиотека состояла из шести тысяч книг, в том числе на французском, английском, голландском, испанском, шведском языках. Почти все иностранные свидетели отмечали его ведущую роль в этом процессе. Близкий к «верховникам» датский посол Г. Вестфален заметил в дипломатической депеше от 22 января: «Голицын, основатель и защитник этого дела, спросил меня вчера, который из двух образов правления я

считаю лучшим: шведский или английский? Я ответил, что шведский самый подходящий, и что я не думаю, что английское правление может быть введено в России. Он ничего на это мне не сказал». Характерно, что Голицын интересовался не советом, а мнением Вестфалена. Это значит, что для Голицына вопрос о форме правления был давно решённым и, вероятнее всего, он отдавал предпочтение шведской форме правления. Много нового было привнесено в государственную жизнь России при Петре I именно из Швеции, и Голицын принимал в этих преобразованиях непосредственное участие. В этой связи американский историк М. Раев замечает, что Россия в петровскую эпоху перенимала не столько передовой, сколько рутинный опыт в государственном управлении и общественной жизни. И это обстоятельство наложило глубокий отпечаток и на сам характер модернизации в России, и на восприятие русскими Западом. «Верховники» в ходе своего правления старались придать петровским реформам более мягкие, сглаженные и плавные черты, учитывающие местную специфику. Но Долгорукий и Голицын глубоко заблуждались, надеясь на приверженность Анны к русским традициям. В силу ряда обстоятельств их попытка изменить политическое устройство в России провалилась. В дело вмешалась гвардия, офицеры которой явились к императрице и решительно высказались за восстановление самодержавия. Анна, воспользовавшись благоприятным моментом, приказала принести подписанные ею кондиции и собственноручно перед всеми разорвала их. Вскоре «русская партия» при дворе под надуманными предложениями была разгромлена. Вот что сам мудрый и прозорливый старик Голицын сказал про это, проводя аналогию с евангельской притчей: «Пир был готов, но званые оказались недостойные его. Знаю, что паду жертвой неудачи этого дела, – так и быть, пострадаю за отечество; мне уже немного остаётся жить; но те, которые заставляют меня плакать, будут плакать больше моего».

Лидер «верховников» Голицын был арестован и умер 16 апреля 1737 года в каземате Петропавловской крепости в возрасте 74 лет. По сути, провалилась попытка окончательно установить боярскую олигархию, которая до этого фактически властвовала в стране. Она разбилась о желание простого дворянства установить сословную конституционную монархию, подобную той, что существовала в шляхетской Польше. В результате ни тем, ни другим не удалось воплотить в жизнь свои замыслы. При этом не надо идеализировать «верховников», они были теми же «западниками», только выражали при этом интересы узкого круга правящей верхушки, совершенно игнорируя интересы среднего дворянства и русского народа. В будущем похожую попытку государственного переустройства предпримет другой видный политик, один из главных инициаторов дворцового переворота 1762 года, канцлер Н. И. Панин. За первые месяцы, прошедшие после переворота, им был выработан проект Учреждения «Императорского совета», и хотя Екатерина II подписала его 28 декабря, он не был опубликован и вскоре ею же отменен, поскольку мог привести к ограничению самодержавия. Позднее при Екатерине II состоял Госсвет, но это был чисто совещательный орган, состав которого полностью зависел от императрицы. В конце концов, точку в этом вопросе в пользу полного самодержавия и абсолютизма поставил Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Только ни он, ни его преемники принципиально не решили те системные противоречия в управлении государством и обществом, которые, в конце концов, и привели царскую Россию к окаянным дням 1917 года, когда большевики одним ударом разрубили этот «гордиев узел» перзевших проблем, лукаво обещая народу всеобщее равенство и социальную справедливость. Со временем сталинисты-ленинцы создали, по сути, похожую на царский режим структуру власти, только более централизованную, деспотичную и кровавую, которую в конечном итоге похоронили те же нерешенные вопросы землепользования, преемственности власти, отсутствия обратной связи с народом и нерационального распределения внутри её верхушки властных полномочий. В России, как в прошлом, так и сейчас в государственном управлении имеет место одна устойчивая тенденция. Все ключевые решения принимаются либо единолично, либо узкой группой

лиц в центре власти. Всем прочим остаётся лишь соперничать в борьбе за влияние на «небожителей».

А пока прусский посланник Марфельд уже в феврале 1730 года доносил, что императрица «в душе больше расположена к иностранцам, чем к русским, отчего она в своем курляндском штате не держит ни одного русского, а только немцев». По выражению В. О. Ключевского, с воцарением Анны «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались на все доходные места в управлении». Чёрный след в нашей истории оставил фаворит Анны Иоанновны, временщик Э. И. фон Бирон; как и большинство иностранцев, он смотрел на Россию свысока, считая себя просветителем и благодетелем бескрайней варварской страны. Демонстративно отказываясь учить русский язык, он тем самым подчеркивал свое «невмешательство» в ход внутренних дел и, управляя железным скипетром, в течение девяти лет своего правления умертвил одиннадцать тысяч человек. Для сравнения, Иваном IV за семь лет «опричнины» было казнено четыре тысячи человек. По замечанию известного историка А. Д. Градовского, «этот кабинет не любил заглядывать внутрь страны... Вершина русской администрации, – поясняет он, – живет самую внешнею политической жизнью. Россия для неё только средство для добывания сумм, нужных для того, чтобы участвовать в общем хоре западных держав». Всё это хорошо видели иностранные резиденты. По их наблюдениям, «цель двора достигнута, если в Европе говорят, что Россия богата». Перед самой кончиной Анна Иоанновна назначила герцога Курляндского Эрнста Иоганна Бирона регентом при двухмесячном наследнике престола Иоанне VI Антоновиче, и в этом качестве он должен был править 17 лет (!). После смерти императрицы в октябре 1840 года Бирон захотел присвоить себе корону империи. И когда в его руках оказалось всё высшее правление, гвардия заволновалась. После дворцового переворота он был арестован. Не будет преувеличением сказать, что его ненавидели все. Разграбление богатств страны, всеобщая подозрительность, шпионаж, доносы, жестокое преследование недовольных – вот чем характеризовался созданный им реакционный режим. Три недели верховной власти в стране стоили ему двадцатилетней ссылки. «Эпоха дворцовых переворотов» – прямое следствие петровского закона о престолонаследовании, который сводился к принципу: «Кто палку взял, тот и капрал». На вершину власти попадали случайные люди, которые были далеки от истинных интересов нашей страны и не желали знать ни её менталитета, ни её древних традиций. С воцарением Елизаветы немецкий гнёт, как это ни странно, только усилился. Это произошло вследствие того, что внешнюю политику Бирона продолжил его бывший ставленник А. П. Бестужев-Рюмин. Став Великим канцлером, и не имея соперников, нагло беря взятки со всех дворов Европы и втрапляя Россию в бессмысленные войны, он фактически правил страной 14 лет. Некоторых иностранцев поражало то, что страна, обладавшая колоссальными возможностями, проявившая несокрушимую мощь в Северной войне, как будто не знает, куда деть свои силы и ищет себе в этом помощника. Не без иронии в адрес и русских, и немцев говорил по этому поводу французский посланник маркиз де Шетарди: «Немцы были этими первыми встречными, они и воспользовались руками и ногами этого народа и управляют его движениями». Уже другой иностранец замечает, что «Россия всегда вела войны, но не война истощала это государство, оно истощено роскошью, дурным управлением министров, переводом за границу огромных денежных сумм, наконец, бесплодная распущенность, тщеславие и суетность разоряют государство». Немецкое засилье коснулось всех институтов нашего государства, Российская Академия наук не стала исключением. Постараемся разобраться в давно забытом, но принципиальном споре, который зарождался в то время между двумя академическими школами. Первую возглавлял М. В. Ломоносов, в противовес ему выступали Г. З. Байер, А. Л. Шлёцер и Г. Ф. Миллер. Именно они при нескрываемой поддержке «немецкой партии» в правительстве, которую первоначально возглавлял бывший член Верховного Совета – барон А. И. Остерман, закладывали фундамент новой «норманнской» версии Российской истории. Их теория, безусловно, ласкала

слух императоров и императриц голштинского рода Романовских, которые видели себя в роли таких же «легендарных» варяжских князей, приглашённых царствовать в дикую и варварскую азиатскую страну, и которые также в меру своих сил старались облагодетельствовать её «тёмный» народ своим «просвещённым правлением».

6 сентября 1749 года придворный историограф, академик Миллер прочитал ежегодный доклад, в котором, опираясь на труды своего предшественника Байера, изложил теорию создания Киевской Руси норманнами. Вскоре после этого 3 ноября Ломоносов подверг резкой критике только что вышедшую в свет диссертацию Миллера «О происхождении русского народа», где наглым образом была оболгана отечественная история, в ней всё было перевернуто вверх дном и основные события представлены с отрицательной стороны. Приведу одну важную для нашего расследования цитату из статьи Ломоносова «Замечания к диссертации Миллера Г. Ф.», с. 13: «Прадеды ваши, почтеннейшие слушатели, от славных своих дел славянами назывались, которых от Дуная волохи выгнали». Здесь весьма явны противные вещи слава и изгнание, которые в такой диссертации места иметь не могут. Но как наш сочинитель славные дела прадедов наших начинает с изгнания, так и всю их жизнь в разорениях и порабощениях представляет, о чем смотри ниже. И хотя бы то была правда, что славяне для римлян Дунай оставили, однако сие можно было бы изобразить иначе. Например: славянский народ, любя свою вольность и нехотя носить римского ига, переселился к северу. Новгородский летописец говорит, что славян часть некоторая, для тесноты места на Дунае, отошла к Днепру, Ильменю и прочая, что с правдою очень сходно, ибо и теперь по Дунаю довольно есть славянского народа, как то: сербияне, болгары и проч. Господину бы автору должно было упомянуть славные дела славянского народа из старых внешних авторов, из которых явно, что римляне сами чувствовали храбрость наших праотцев и прочая. Прокопий Кесарийский в третьей книге своей пишет, что в пятом веку во время Юстиниана, царя греческого славяне, перешедши Дунай, землю за ним опустошили, и великое множество римлян в плен взяли. Иорнанд о четах пишучи, говорит, что ныне славяне за грехи наши везде нас разоряют, то было в шестом веку. Григорий Великий папа Римский, к епископам в Истрию (епископат на п-ове Истр в Хорватии – прим. автора) пишет: «Истинно для славянского народа, который на вас наступает, весьма сокрушаюсь и смущаюсь: сокрушаюсь о том, что вашу болезнь сам претерпеваю: возмущаюсь о том, что они через Истрию уже и в Италию вступают!» Из сего явствует, что славяне от римлян не так выгнаны были, как господин Г. Ф. Миллер пишет. И сие бы должно было ему упомянуть для чести славянского народа».

По мере того как накал борьбы с Миллером нарастал, вопросы по отечественной истории вышли у Ломоносова на первый план, ради них он отказывается от исполнения обязанностей профессора химии. Он дает уничтожающую характеристику на статьи Байера по русской истории, сравнивая их с «бредом обкурившегося шамана». Байер приехал в Россию в 1730 году, через год после открытия Академии наук. Именно он выдвинул теорию, что варяги и руссы – это норманны, принадлежавшие германскому королю племени шведов, датчан и норвежцев. Байер русского языка не знал. Помимо Ломоносова, в будущем и другие русские академики – Тредьяковский, Крашенинников и Попов – также возражали против метода Миллера принимать тезисы Байера без проверки. Ломоносов полагал – и не без оснований – что слово «рус», «русский» северным языкам совершенно незнакомо, но распространено на южном побережье Балтийского моря. Так, один устьевой рукав Немана носит название Руса (хотя по-литовски этот рукав носит название «Русне», и в переводе «русноти» означает «медленно гореть, тлеть» или «медленно бежать, течь» – прим. автора). Здесь же, по его мнению, следует искать и родину Рюрика. Впоследствии Ломоносов писал, что Миллер сделал русских «столь убогим народом, каким ещё ни один самый подлый народ ни от какого историка не представлен».

Норманнисты создали непрерывную цепь культурного воздействия на русские области. Согласно их теории, в IX веке готов сменили варяги, которых они считают создателями куль-

туры Киевской Руси и проводниками ирано-арабского и византийского влияния в Восточной Европе. Схема эта до сих пор удерживается практически в том же виде, только некоторые учёные пытаются её обновить и модернизировать. В постсоветский период в нашей археологической, лингвистической и отчасти исторической литературе наблюдается всплеск неонорманнизма, связанный отчасти с тем, что в советском прошлом борьба с норманнизмом велась не всегда вполне научными методами. Так, к примеру, в 1963 году будущий правозащитник Андрей Альмарик был исключен из Московского университета за курсовую работу «Норманны и Киевская Русь», в которой защищал «норманнскую теорию», отвергавшуюся советской наукой. К норманнизму сегодня обращаются и многие специалисты, ранее с ним воевавшие. Для взглядов современных норманнистов характерна одна очевидная нестыковка: русь противопоставляется варягам, а для доказательства германоязычия варягов используются факты, относящиеся к руси. Ещё в середине 70-х годов прошлого века группа советских археологов и историков пришла к странному выводу, что, дескать, древней столицей Руси был город Старая Ладога, расположенный в устье реки Волхов, а не Великий Новгород. Аргументировалось это тем, что крепостные застройки там старше новгородских, и тем самым невольно подводилась научная база под основную идею норманнистов о колонизации южнорусской равнины с Севера, с берегов Скандинавии. Ранние государства обычно возникали в результате установления господства одного из племен над соседями. Но прочным насильственным объединение могло стать лишь в том случае, если оно маскировалось заботой о внешней безопасности, правым судом и т. п. «Повесть временных лет» – летописный рассказ о призвании варягов в середине IX века славянскими и угро-финскими племенами севера Восточной Европы ради прекращения усобиц на огромной территории от Балтики до Средней Волги – не сказка, а отражение представления о правах и обязанностях власти, которые как бы признают все стороны.

В начале XX века известный историк А. А. Шахматов (1864–1920), критически анализируя дошедшие до нас летописи, пишет: «Вторая редакция ПВЛ возникла в 1117–1118 годах. Мы указывали на главное отличие сказания о призвании варягов по этой редакции. Оно вызвано знакомством составителя этой редакции с ладожским преданием, отстаивавшим старшинство Ладоги перед Новгородом и связавшим Рюрика и древневаряжских князей с воспоминаниями об основании Ладоги: “и придоша к Словенюмь первее и срубиша город Ладогу”. Новгород, по сказанию второй редакции ПВЛ, выстроен Рюриком уже по смерти братьев. В связи с этим нельзя не поставить следующий пропуск в рассматриваемом тексте сказания. После слов “и от техъ Варягъ прозвася Руская земля” опущена фраза:»и суть Новъгородьстии людие отъ рода Варяжъска, прежде бо беша Словене». Составителю второй редакции она показала неуместною именно потому, что о Новгороде речь идёт ниже.

Спор между норманнистами и их противниками завязался в первой половине XIX столетия вокруг летописного текста ПВЛ. Здравая критика, внесённая в понимание его Эверсом, Костомаровым, Гадеоновым, Иловайским и др., показала всю шаткость основания, на котором строили своё здание норманнисты. Но их противники ушли слишком далеко по пути отрицания и не пожелали увидеть за буквой летописного текста такие элементы народных преданий, которые не придумываются и не создаются фантазией. Это зависело от того, что противники норманнистов основное внимание обратили на противоречие между свидетельством «Нестора» и свидетельствами целого ряда других, несомненно достоверных, источников. Во-первых, соображения хронологические не позволяли относить призвание руси к 862 году, т. к. византийцы знали русь и в первой половине IX столетия. Во-вторых, многочисленные данные, среди которых выдвигаются, между прочим, и Амастридская и Сурожская легенды, так тщательно обследованные В. Г. Василевским, решительно противоречат рассказу о прибытии руси в середине IX века с севера, из Новгорода; имеется ряд указаний на давнее местопребывание руси именно на юге, и в числе их не последнее место занимает то обстоятельство, что под «Русью» долгое время разумелась именно юго-западная Россия, и что Чёрное море

издавна именовалось Русским. Таким образом, вместо прежнего источника суждения о варяго-руссах, вместо текста ПВЛ, мы имеем перед собой: во-первых, новгородское сказание о призвании князей из варягов, не смешиваемых с русью, сказание, предполагающее, как мы видели, народное предание о приглашении в Новгород наёмной варяжской дружины; во-вторых, работу киевского летописца, отождествившего варягов с русью; и за этой работой мы видим народное киевское предание об иноземном, варяжском происхождении руси, – предание, не дававшее притом никаких хронологических указаний на время появления руси в Южной России. Исторической науке предстоит связать оба предания – северное и южное – с теми событиями, которые в действительности могли иметь место при создании Русского государства».

Более двадцати лет Шахматов занимался летописями, ставя перед собой задачу реконструкции древнейших летописей, пока не понял, что эта задача неразрешима в силу самой их природы как сводов различных сочинений идеологического, а потому неизменно заинтересованного характера. «Шахматов в своих работах («Сказание о призвании варягов», «Разыскания о древнейших русских летописных сводах») показал, что «Сказание о призвании варягов» – это позднейшая вставка, скомбинированная способом искусственного соединения нескольких северорусских преданий, подвергнутых глубокой переработке летописцами. Шахматов увидел преобладание в нём домыслов над мотивами местных преданий о Рюрике в Ладоге, Труворе в Изборске, Синеусе на Белоозере и обнаружил литературное происхождение записи под 862 г., явившимся плодом творчества киевских летописцев второй половины XI – начала XII века». К тому же в 1860 году, после опубликования ряда работ на эту тему, между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным состоялся публичный спор по поводу концепции происхождения Древнерусского государства от норманнов; Костомаров пришёл к выводу, что «самая история призвания князей есть не что иное, как басня». Славянская колонизация Южной Европы и, в частности, Балкан шла с востока, и центром её был Киев. На северо-восток Европы, к Белому морю, она вышла узким клином вдоль северных рек, разорвав тем самым сплошную полосу расселения финно-угорских народностей. Колонизация Севера велась из двух центров – Ростово-Суздальского княжества и Новгорода. Старая Ладога сначала была на острие этого продвижения, а потом стала опорным пунктом на пути дальнейшего освоения Севера славянскими переселенцами. К тому же в середине XX века на основе богатого археологического материала и анализа известий арабских авторов академик Б. А. Рыбаков доказал, что среди всех славянских земель именно Среднее Приднепровье было наиболее подготовлено ходом исторического развития к главенствующей роли. Норманны, появившиеся здесь лишь в IX веке, не были создателями культуры Киевской Руси, напротив, расцвет Приднепровья в VII–VIII веках, его связи с Византией, Ираном и арабами, его собственная высокая культура определили центр притяжения варяжских походов со второй половины IX века. «Никакого перелома, – пишет Рыбаков, – в развитии культуры в связи с появлением варяжских отрядов в Приднепровье не произошло. Глубокое различие в полноте источников создаёт кажущееся отличие киевского периода от докиевского. И это отличие нередко приписывалось благотворному влиянию «скандинавской закваски». Отсутствие культурного влияния в области письменности также несомненно. Кроме того, образцом послужил греческий маюскул, а не руны. Любопытно сопоставление количества рунических надписей в Скандинавии и у нас. В Швеции было зарегистрировано около 2000 рунических надписей IX–XI веков, а на территории СССР найдена только одна руническая надпись на острове Березани. Столь же ничтожно было количество собственно варяжских погребений».

Ломоносов написал в своё время ряд работ по русской истории, однако ни этих трудов, ни многочисленных документов до нас не дошло. «Навсегда утрачен конфискованный Екатериной II архив М. В. Ломоносова. На другой день после его смерти библиотека и все бумаги были по приказу Екатерины II опечатаны графом Орловым, привезены в его дворец и бесследно исчезли». Но всё же не все бумаги Ломоносова, которые попали к Григорию Орлову, были

безвозвратно утеряны. Прошедшие сквозь сито личной екатерининской цензуры, они вскоре появились в сильно усечённом виде в форме так называемого «Александровского вклада». В 1823 году значительная часть этого архива поступила в библиотеку Хельсинского университета, в порядке пополнения фондов попавшая туда из собрания библиофила И. А. Крофта, а до этого хранившаяся в Гатчинском дворце графа Орлова и перемещённая затем в Мраморный дворец. Как выяснила советская исследовательница Ю. П. Тимокина, значительное число этих книг содержат пометки и приписки великого русского учёного.

Подобным же образом Екатерина II (София Августа Фредерика, принцесса Анхальт-Цербстская, по материнской линии происходящая из дома Гольштейн-Готторп) поступила и с архивом другого видного деятеля петровской эпохи – П. Н. Крекшина, который вел журнал Петра I и после смерти царя разбирал его бумаги. С 1762 года он находился в отставке и работал над историческими сочинениями по отечественной истории. В этом же году он написал статью «Критика на новонапечатанную книгу о начале Рима и действиях народов той монархии», которую впервые на русском языке опубликовал французский историк Шарль Роллен. Что же не устраивает Крекшина в «Римской истории» Роллена? С чем он никак не мог согласиться? Прежде всего, с его утверждением о «непобедимости Рима». Крекшин широко привлекает в своей рецензии сведения, почерпнутые у Иосифа Флавия, Плиния, Тацита, Овидия, в «Вавилонских хрониках» Бероса, Страбона и проч. Кто же всегда побеждал Рим, кто заставлял трепетать его армию и его императоров? Победителями Рима, – утверждал Крекшин, – всегда были славяне, русские. Вкратце перечень поражений Рима по его словам выглядят следующим образом: «В кесарствование кесаря Августа готы, т. е. славяне, разорили области ближние, подлежащие державству римскому»; «Аттила, царь гуннский, нарицаемый бич божий из русския страны...»; «Одоакр, царь российский, Италиєю возобладал». Для Крекшина «античный Рим» существовал одновременно со средневековой Русью! Запрет на такие исторические параллели и суждения победившая миллеровская школа вскоре незамедлительно введёт, и такие утверждения Крекшина и другие похожие факты с точки зрения нововведённой хронологии будут считаться несусветной глупостью и диким невежеством.

А что же случилось с архивами Крекшина, трудами которого пользовались те же В. Н. Татищев, М. М. Щербаков, В. О. Ключевский? После его смерти Екатерина II потребовала «видеть некоторые его летописи и господину Крекшину принадлежавшие бумаги, которые с крайним любопытством рассмотрев, благоволила некоторые оставить у себя». В 1791 году архив Крекшина был целиком куплен А. И. Мусиным-Пушкиным, а что стало со всеми собранными им манускриптами в 1812 году, – всем известно. Стоит обратить внимание читателя, что в 1791 году Мусин-Пушкин и собранная им команда литераторов уже всю работу над переводом «Слова» для Екатерины II, и они вполне могли обращаться к имевшимся в их распоряжении бумагам из его архива. После смерти Татищева в 1750 и Ломоносова в 1765 году, Миллер со Шлёцером «тихой сапой», с подачи Екатерины II, переписут и отредактируют их труды по русской истории до неузнаваемости, в нужном для своей норманнской теории ключе. Стоит ли после этого удивляться, что труды обоих великих русских учёных так гармонично согласуются с миллеровской концепцией нашей истории? Даже непонятно, зачем тогда Ломоносов столько лет так яростно спорил с ними? Надо полагать, Миллер в нужном для себя аспекте «подготовил к изданию» первую часть труда Ломоносова, остальное было уничтожено. Эту мысль высказали и обосновали современные российские учёные из Московского университета А. Т. Фоменко и Н. С. Келлин из Института прикладной математики им. М. В. Келдыша. Если их мысль верна, то, редактируя и переписывая бумаги Ломоносова, Миллер с неизбежностью должен был оставить следы своего «авторского стиля» в его «Истории». Данный эффект можно попытаться обнаружить, применив методику авторского инварианта, найденного в работах Фоменко. Инвариант – частота употребления всех служебных слов; позволяет обнаруживать плагиат и выявлять писателей с близким авторским стилем. Келлин про-

вёл сравнение соответствующих текстов на основе указанного инварианта. Результат оказался однозначным. Выяснилось, что авторский инвариант Миллера чрезвычайно близок к инварианту «Истории» Ломоносова. И очень сильно отличается от авторского инварианта Ломоносова, вычисленного по его автографам и по произведениям, которые заведомо принадлежат его перу. Это доказывает факт подделки опубликованной от имени Ломоносова «Российской истории», т. е. этот текст «Истории» перу Ломоносова не принадлежит (см. статью Келлина и Фоменко в «Вестнике Московского университета», серия филологическая, № 1, 1999).

Конечно, Ломоносов заблуждался, считая, что начальствовавшие на тот момент в Академии иностранцы были единственными виновниками её «закоренелого несчастья». Борьба, происходившая в Академии, была в основе своей политической борьбой. Враждебные Ломоносову иностранцы, безусловно, были опасными противниками, ибо их обращала в своё оружие всесильная феодальная знать, окружавшая императорский престол. Ломоносов не знал и даже не подозревал, что бюрократические и дворцовые связи его чужеземных «неприятелей» были несравненно шире и глубже. Его академические враги вели за его спиной разговоры и переписку со многими влиятельными особами, в том числе и с теми меценатствующими сановниками, которых Ломоносов считал своими искренними друзьями и покровителями. Как известно, историю пишут победители, и в том давнем споре взяла верх норманнская версия нашей истории. На тот момент победила школа Миллера и Шлёцера, которая своими псевдонаучными теориями и гнусными выдумками при непосредственной поддержке императоров Романовских надолго загнала отечественную историческую науку в своё «прокрустово ложе», из которого та до сих пор не может выбраться. Именно эти учёные принесли с собой русофобскую идею о ничтожности Руси как государства и как цивилизации. Тогда-то и получилось, что «античный Рим» рухнул задолго до образования славянского государства, и всё написанное Миллером, Байером, их учениками и последователями приобрело статус непреложной истины. Эта победа окончательно закрепилась в начале XIX века. Когда бывший воспитанник Виттенбергского университета Германии, ставший русским академиком, доживавший свой век профессором Геттингенского университета Август Людвиг Шлёцер, добываясь награды за изданные в 1802 году первые части исследования о Несторе, в письме к графу Н. П. Румянцеву высказал пожелание видеть полное издание древних русских летописей. Он открыто претендовал на монопольное место в русской исторической науке. И уже вначале 1804 года министр народного образования граф Задовский доложил государю, что Шлёцер выразил готовность соучаствовать с русскими учёными в таком издании. Александр I повелел для этого дела составить особое общество. Так 18 марта 1804 года при Московском университете было основано Учёное общество, первоначальной задачей которого было критическое издание русских летописей, со временем оно расширило свои знания на всю область источников русской истории. В это же время Н. М. Карамзин при поддержке государя стал возводить прочную стену на миллеровском фундаменте. А уже придворный историк Александра II С. М. Соловьев так отштукатурит и отполирует эту свежевыложенную стену, что никакие доводы против этого ни ранних декабристов и литераторов в лице П. А. Катенина и В. К. Кюхельбекера, ни славянофилов в лице братьев И. С. и К. С. Аксаковых, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. С. Хомякова, Н. И. Костомарова, В. Г. Василевского, Ю. Ф. Самарина, С. А. Геденова не смогли ее поколебать. И все, кто попытается оспорить эти вновь утвердившиеся идеи, будут в лучшем случае осмеяны, а в худшем – поступят как с диссертацией Костомарова, защита которой была отменена министром народного просвещения С. С. Уваровым и по его приказу сожжена как «подрывная».

И уже на отредактированную и исправленную Миллером «Историю России» Татищева ссылается и опирается в своем переводе «Слова» граф А. И. Мусин-Пушкин, в котором красной нитью проводится мысль о постоянной борьбе «леса со степью», «борьба» за выход славян на побережье Чёрного моря. А это уже явная теоретическая поддержка имперской политики Екатерины II, которая старалась мотивировать территориальные захваты в Малороссии

и Бессарабии преемственностью политики Петра I и мечтала восстановить в прежних границах восточную часть Византийской империи. Это так называемый «Греческий проект» Екатерины, согласно которому Россия должна была изгнать Турцию с Балкан и перенести столицу в освобождённый Константинополь. На эту затею было брошено немало сил и средств, даже её внуку, который в будущем по её планам должен был занять «нововизантийский» престол, было дано соответствующее имя. Для оправдания территориальных захватов в Крыму, Малороссии, Бессарабии Екатерине как воздух нужны были определённые исторические параллели в нужном для себя ключе и примерно в том же географическом районе. Вот таким образом и получилось, что дружина Игоря вела неравный бой с дикими степняками-кочевниками – «половцами» на юге Причерноморского Дона. И эта мысль настолько сильно укоренилась в умах людей, что предположение о том, что Игорь водил свою дружину в совершенно противоположную сторону – на запад, на Адриатическое побережье Северной Италии к Венеции, может вызвать неоднозначную реакцию у большинства современных читателей и историков.

История открытия «Слова» долгое время была окутана тайной. Сам Мусин-Пушкин не любил распространяться на эту тему. Причиной молчаливости графа было то, что рукописный сборник, в состав которого входило «Слово», так же как и многие другие редкие книги для своей библиотеки, Мусин-Пушкин приобрёл не совсем законным путём. Заняв летом 1791 года пост главы «духовной коллегии» – Синода, он вскоре убедил Екатерину II издать указ, который требовал извлечения из всех монастырских архивов наиболее древних рукописей и присылки их в Синод для снятия копий. Документы, поступающие в синод согласно царскому указу, Мусин-Пушкин просматривал лично. Наиболее интересные из них он отбирал для своей домашней библиотеки. Такие действия графа впоследствии не остались незамеченными. Сменивший его на этом посту князь В. А. Хованский обвинил его в присвоении монастырских рукописей. В литературных кругах заговорили о том, что Мусин-Пушкин незаконно стяжал свои книжные сокровища. Слабым утешением служит то, что в действиях графа не было никакой корысти. Большую часть библиотеки он незадолго до пожара передал Московскому архиву Коллегии иностранных дел. И лишь привязанность к «своим» рукописям заставляла его медлить с перевозкой остальной её части. Гибель в 1812 году этого бесценного собрания древних фолиантов потрясла современников. Вольное обращение графа с синодальными документами обернулось невозможной утратой для русской культуры. В его московском дворце на Разгуляе (ныне Спартаковская ул., д. 2/1), помимо «Слова» и архива самого Мусина-Пушкина, погибли ценнейшие исторические документы из архивов В. Н. Татищева, И. Н. Болтина, бумаги П. Н. Крекшина, сгорела также знаменитая пергаментная Троицкая летопись, а также большая часть экземпляров первого издания «Слова». Библиотека же Синода, где следовало бы находиться всем этим книгам из его коллекции, и собрания Московского архива Коллегии иностранных дел, куда он так и не собрался передать свой архив, полностью уцелели. О гибели рукописи в пожаре общественность узнала со слов самого Мусина-Пушкина, однако доподлинно известно, что перед вступлением Наполеона в Москву из дворца на Разгуляе в подмосковное имение были вывезены на 32 подводах «серебро, картины и библиотека». В ответ на критику в его адрес Мусин-Пушкин устно и письменно неоднократно заявляет о том, что все его рукописи были куплены у частных лиц. Например, известный историк и археограф К. Ф. Калайдович в декабре 1813 года писал ему: «Я желал бы знать о всех подробностях несравненной песни Игоревой. На чём? Как и когда она написана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано? Так же и о первых её переводах, о коих я слышал от А. Ф. Малиновского?» Вот что отвечал граф: «Писана на лощёной бумаге в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века. Где найдена? До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре на обеща-

нии до смерти своей. В последние годы находился в недостатке, а потому случаю, комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием “Хронограф”, в конце найдено “Слово о полку Игореве”. О прежних переводах и кто был участником в издании? – Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением оной Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя и ясным языком была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому, что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных, вышедших из употребления; прежде всего, разделить ее на периоды и потом добиться домысла, что крайне затруднительно, и хотя все было разобрано, но я не был переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки. По приезде же моем в Москву, увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод в очень неисправной переписке и по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Бантыша-Каменского, решился общее с ними сверить переложение с подлинником и исправя с общего совета, что следовало, отдал в печать». Неудовлетворенный неясным характером этого письма, Калайдович вновь обращается к графу с просьбой точнее определить характер письма рукописи и назвать лиц, видевших рукопись «Слова». Видимо считая, что Калайдович его в чём-то подозревает, Мусин-Пушкин ответ на второй запрос писать не стал. Проверить же утверждение самого графа, после написания им этого письма, что именно его комиссионер купил у архимандрита рукописные книги, было невозможно, т. к. Иоиль (Иван) Быковский умер в 1798 году, да и вряд ли бы этот святой человек пошёл бы на такую сомнительную сделку. Во имя чего? Зачем ему перед скорой встречей с богом продавать за тридцать серебрянников бесценные монастырские рукописи какому-то светскому прощельге? Тем более, в соответствии с недавно подписанным царским указом, он должен был послать эти книги в Москву безвозмездно.

Нищенское положение архимандрита напрямую было связано с недавно проведённой секуляризацией духовных имений. Такую политику, направленную на подрыв экономической самостоятельности русского духовенства и подчинение её своему политическому влиянию, начал активно проводить Пётр I, учитывая при этом опыт своих предшественников. Далее её продолжил Пётр III, и в конечном итоге вялотекущую церковную реформу успешно завершила его жена. Столь кардинальный подход к этому вопросу, безусловно, ущемлял экономическую самостоятельность части духовенства. Их глухой ропот во всеуслышание озвучил митрополит Ростовский Арсентий Мацевич. В начале 1763 года он выступил с резким протестом против того решения вопроса о церковных имениях, какое наметила императрица. За это Арсений был лишён сана и заточён в монастырь. Указом от 26 февраля 1764 года все крестьяне, принадлежащие монастырям, архиерейским домам (около 1 миллиона человек мужского пола) были переданы в ведение Коллегии экономии. Для них были составлены новые штаты, а жалование отпускалось из той же Коллегии. По этой же причине Екатерина II не разрешила духовенству участвовать в Уложенной комиссии, боясь серьезного противодействия своим реформам. Эта реформа превратила церковь в бюрократическую контору, которая в дальнейшем стояла на страже интересов самодержавия. «Церковь с её тысячелетними традициями защиты униженных и поверженных государством, церковь, которая “печаловалась” за казнимых, публично осуждала тиранов, стала послушным орудием власти и тем самым во многом потеряла уважение народа, впоследствии так равнодушно смотревшего и на её гибель под обломками самодержавия, и на разрушение её храмов» (Е. В. Анисимов).

В последние годы туман, скрывающий историю находки единственной рукописи «Слова», несколько рассеялся благодаря большой и кропотливой работе, проделанной советским филологом Г. Н. Моисеевой, которая весьма убедительно восстановила историю «обретения» Хронографа в своей книге «Спасо-Ярославский Хронограф и СПИ». Вероятно, где-то в середине 80-х годов XVIII века Мусин-Пушкин, часто бывавший в Ярославле проездом в своё имение

Иловна на Мологе, взял для ознакомления четыре древних книги из библиотеки Спасо-Преображенского монастыря. В одной из них и находилась рукопись, граф не спешил возвращать в монастырь заинтересовавшие его книги. В 1787 году Спасо-Преображенский монастырь был преобразован, а в его зданиях разместился Архиерейский дом, перенесённая из Ростова резиденция архиепископа ростовского и ярославского. Когда Иоиль сдавал дела новому начальству, была составлена полная опись имущества всех книг и рукописей. Рядом со словом «Хронограф», на полях, чернилами, другим почерком было написано еще одно слово. И потом жирной чертой зачеркнуто. Уже в наше время оптико-фотографическая экспертиза установила – раньше там было слово «отданъ». (Такие же зачеркнутые надписи имеются возле трёх весьма ценных рукописей в том же списке.) Монастырь упразднили, Иоиль составил опись, сдал имущество – никому ничего не продавал! «И начету никакого на нем..., а равно и ко взысканию с него ничего не открылось». После этого Иоиль уже вообще распоряжаться имуществом монастыря никак не мог. Всё имущество монастыря, в том числе и библиотека, перешло в распоряжение ростовского владыки. Занимавший этот пост Арсений Верещагин был в дружеских отношениях с графом (Мусин-Пушкин способствовал продвижению по военной службе племянника Верещагина). В 1788 году он организовал окончательное «списание» книг, числившихся за Мусиным-Пушкиным. В новой описи монастырской библиотеки за тот год против названий этих рукописей стоит лаконичная запись: «Оной хронограф за ветхостию и согнитием уничтожены» (рис. 1). А в старой описи слово «отданъ» зачеркивается. Какой-то иподьякон Соколов поставил рядом четыре вопросительных знака и свою подпись.

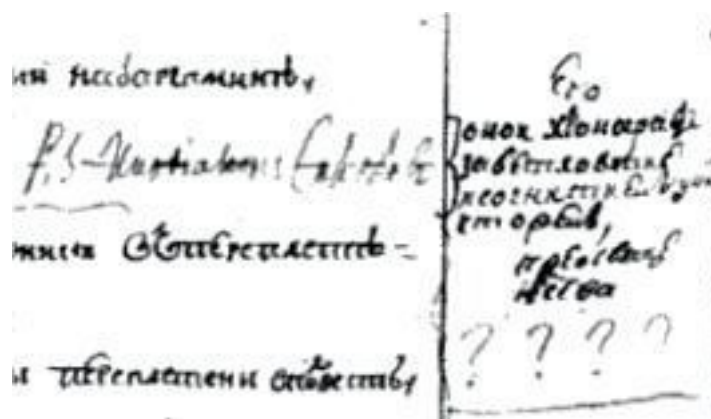

Рис. 1. Опись казенного имущества Спасо-Ярославского монастыря. Написано: «Оный Хронограф за ветхостию и согнитием уничтожен»

В результате из временного держателя рукописей граф превратился в их «законного» владельца. И с тех пор до самого пожара Москвы он считал рукопись Хронографа своей собственностью. После того как Мусин-Пушкин взялся за перевод рукописи и в какой-то мере осознал, с чем столкнулся, у него возникла серьезная теоретическая проблема. Он и его помощники (И. Н. Болтин и И. П. Елагин) не знали, а русские летописи молчали (т. к. ранее были подвергнуты намеренному редактированию) о конкретном географическом местоположении княжества и града Тмутаракань. Из сохранившихся летописей было ясно, что некогда этот город был столицей некоего русского удельного княжества и, судя по тексту СПИ, являлся главной целью похода князя Игоря.

И тогда действительный статский советник, обер-прокурор, граф Мусин-Пушкин проявил, скорее всего, собственную инициативу и пошел на явную фальсификацию в этом вопросе, стараясь узаконить местоположение этого древнерусского города в недавно отвоёванном у османов причерноморском районе. Очевидно, он стремился, чтобы прилегающая местность была как можно более близка к тому описанию, которое имелось в «Слове». А именно

недалеко от того места, где был «найден» Тмутараканский камень, река Дон впадает в Азовское море и близлежащее побережье изобилует многочисленными морскими заливами и лиманами (лукоморьями).

До находки камня само княжество помещалось нашими историками в весьма отдалённых друг от друга уголках Древней Руси – от Литвы до Крыма. Так, Татищев полагал, что Тмутаракань находилась в Рязанской области, М. М. Щербатов размещал её в районе Азова, А. Лызлов и П. Рычков определяли её местоположение близ Астрахани, И. Н. Болтин искал её в верховьях реки Воркслы. Правда, был ещё один «знаток русской старины» профессор Байер, который за 56 лет до находки камня в 1736 году в своей книге «Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения одного под Российскую державу» (в переводе А. И. Тауберта) писал: «Тмутаракань есть самое то место, которое цесарь Константин Порфиrogenнета Таматархою называет и полагает против Босфора или Керчи. Ныне называется сие место на турецких ландкартах Темрюк и лежит против крепости Тамана в северо-восточной стороне подле Меотического моря». Скорее всего, этой теоретической выкладкой и воспользовался Мусин-Пушкин. Он подготовил к печати «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжества» и вскоре в том районе очень кстати был найден камень. Действия Мусина-Пушкина в будущем привели к серьёзным негативным последствиям в отечественной исторической науке, в которой как рои начали плодиться довольно спорные концепции и сомнительные теории, а их доказательства «высасывались из пальца» и «притягивались за уши». Легендарный же град Тмутаракань стал безапелляционно ассоциироваться с Таманским полуостровом в районе современной станицы Таманской и с прилегающими к ним приазовскими степями, в которых якобы и «кочевали» половцы – «дикие и кровожадные степняки». Возможно, все эти шаги делались в угоду той экспансионистской политике, которую проводила Екатерина II, чтобы польстить её чувствам завоевательницы юга и расширительницы границ России на западе. Соответствующий перевод «Слова» должен был, вероятно, показать всем её подданным преемственность и законность этой политики, сходной с такой же политикой великих князей XII века, которые якобы в прошлом на южной границе Киевской Руси в Причерноморье тоже отстаивали свои жизненные интересы. Ведь те князья, по мнению графа, решали похожие проблемы и сталкивались с похожими трудностями. Хотя по большому счёту империализм Екатерины II в такого рода оправданиях вовсе не нуждался, дипломатия того времени к историческим оправданиям не прибегала. Достаточно сказать, что даже разделы Польши не требовали никаких исторических мотивировок. А. А. Зимин в своей работе подчеркивал, что как раз в сентябре – ноябре 1791 года императрица проявляла особый интерес к русским древностям, и предположил, что Мусин-Пушкин воспользовался благоприятным моментом для получения высочайших милостей. Значит екатерининский фаворит, руководствуясь в большей степени придворным лакейством, и, как ему казалось, благими намерениями, решился на явный подлог.

Рис. 2. Надпись на Тмутараканском камне

Находка Тмутараканского камня, впрочем, как находка и пропажа самой рукописи «Слова», напоминает запутанный детективный сюжет. Незадолго до высадки казаков премьер-майор Х. К. Розенберг, командир егерского батальона, расквартированного в Тамани, обнаружил мраморную плиту. Камень с надписью был найден его солдатами где-то на городище и уложен у входа в казарму в качестве порога. Ценность находки быстро установили. В 1793 году войсковой дьяк Егоров приехал в Санкт-Петербург и рассказал, что капитан П. В. Пустошкин, командовавший кораблями флотилии, нашел мраморную плиту, так называемый «Тмутараканский камень», и передал его адмиралу Н. С. Мордвинову. Как только при дворе стало известно о камне, завистники и соперники Мусина-Пушкина за фавор сразу же поставили под сомнение подлинность находки. Екатерина II велела произвести дознание о камне. Следствие выяснило, что в конце XVIII века, уже после завоевания Россией Крыма, начались территориальные споры между казаками. И для разграничения их владений была послана команда геодезистов, которая проводила работы по картографии местности. Из Санкт-Петербурга (возможно, самим Мусиным-Пушкиным) через Головатова Мокею Гулику, который работал с камнерезами и землемерами, ставившими межевые знаки, была послана бумага, трафарет с надписью. Камнерезы по этому трафарету из сугубо патриотических чувств и изготовили этот «памятник старины». Посмеявшись над проделками графа, Екатерина II повелела оставить камень на месте его изготовления – в «Тмутаракани» (на Тамани), поставив камень на видном месте.

Надпись на камне гласит: «-I-βъ лето.....сяже [нъ]. В лето 6576 г. индикта (6) Глеб Князь мериль море по леду от Тьмутороканя до Кърчева, ид (10000 i 4000) сяже [нъ]» (рис. 2).

Первое, что бросается в глаза в этой надписи, это использование двух разных форм летоисчисления, применявшихся в разные временные периоды. Эра от сотворения мира была принята на Руси в довольно поздний временной период, а упоминание номера индикта без номера круга Солнца и круга Луны делает архаичную индиктовую дату, летосчисление по которой применялось в домонгольский период нашей истории, совершенно бессмысленной. В надписи почему-то не указан месяц года. Но раз море замерзло, то без сомнения дело происходило зимой. В переводе на современное летосчисление 6 индикт 6576 года означает декабрь 1067 – январь 1068 года. Вероятно, по замыслу заказчика, само слово «индикт» должно было служить дополнительным доказательством древности, а значит и подлинности самого камня. «Считается, что древнейшая известная нам летопись ПВЛ составлена в начале XII века. В результате многолетнего труда по сопоставлению ПВЛ с более поздними летописями, А. А. Шахматов в одной из них Новгородской летописи младшего извода (Н 1) обнаружил отражение более раннего памятника – Начального свода, который он датировал концом XI века. Исходя из этого, Шахматов приходит к выводу, что вплоть до 60-х годов XI века современных регулярных записей с точными датами не было. Летописцы конца XI-начала XII вв. имели дело с недатированными записями предыдущих лет и вставляли в них даты по догадке, иногда разрывая единые фразы предшествующего текста. Известия IX–X веков в летописании восходят в основном к устной традиции; этим и объясняется расхождение между Начальным сводом (известным нам по Н 1) и ПВЛ. К тому же составитель свода использовал хронологическую компиляцию, основанную на греческой хронике Амартола, из которой он почерпнул сведения о походах Руси на Царьград. Камнерезы расположили надпись на боковой стороне, причем выполнили её, абсолютно точно копируя весь трафарет, сделанный на бумаге, не по всей длине боковой стороны, а в две строчки. Было бы естественно, если бы надпись нанесли на широкую, свободную от каких-либо изображений сторону, однако камнерезы подошли к делу формально и расположили надпись явно неудачно. Отгравированный камень в этом районе был найден в единственном экземпляре, больше ни до этого случая, ни после таких артефактов там не находили. Эта надпись не только давала привязку местонахождения Тмутаракани, но и указывала её рассто-

яние до Керчи, казалось, что она нанесена специально для потомков с единственной целью – дабы они прекратили свой спор о Тмутаракани.

Пролежав 11 лет в забвении под мраморными обломками, в ограде Таманской гарнизонной церкви, «древняя» реликвия «случайно» попала на глаза бывшему сопернику Мусина-Пушкина по фаворитизму Н. А. Львову. Путешествуя по Крыму в 1803 году, отставной архитектор и геолог, академик Львов, собрав несколько обломков, совместно с двумя молодыми художниками Ивановым и Алексеевым составил проект памятника (надгробия), «означающий прехождение остова Тамана под владение разных народов». По их задумке памятник должен был представлять историю Крыма – последовательность завоевания его разными странами: Грецией, Древней Русью, Генуэзской республикой, Турцией и снова Россией. И свидетельствовать о русском владычестве в Причерноморье. Проект памятника представлял собой генуэзскую капителью и татарские шишаки, которые сверху прикрывал Тмутараканский камень, ещё выше – камень античной Греции, а наверху – мраморное изваяние воина (на рисунке – торс с отрубленными руками и головой). На обломке старой колонны Львов позаботился об увековечении своего имени. Там была высечена надпись, объясняющая значение самого камня, которая гласила: «Свидетель веков прошедших послужил Великой Екатерине к обретению исторической истины о царстве Тмутараканском, найденный в 1793 г. атаманом Головатовым. Свидетельство его свету сообщил граф Пушкин. Из былия изверг Львов-Никольский в 1803 году при начальстве майора Васюренцева при пастырстве протоирея Павла Домешко». Зимой того же года Львов скончался. Попытка возвести этот памятник стала его последним архитектурным проектом, который представлял собой простое нагромождение обломков. Памятник так и не был сооружён, и камни остались лежать в ограде церкви, а деталь с надписью хранится в Таманском музее. Львов пытался соорудить своеобразный вычурный ребус из камней и слов. Не случайно он написал фамилию Мусина-Пушкина (т. к. приставка Мусин происходит от татарского прозвища Муса) в усечённом виде, а свою – с прибавлением литературного псевдонима. У многих знатоков истории вызывает недоумение малозначительностью самой надписи на обломке, а также упоминание имени атамана Головатова, который на самом деле не имел отношения к находке камня. Видимо фамилия Розенберг как-то не вписывалась в эту патристическую надпись.

В царствование Павла I вновь завели дело о камне, которое на месте вели таврический губернатор Жегулин и профессор Паллас. Эта высокая комиссия подтвердила подлинность камня. И уже Александр I своим указом повелел считать местоположение древней Тмутаракани на Тамани. После того как у мраморной плиты обрубили края до приемлемых размеров, камень был доставлен в С.-Петербург и удостоен места в Эрмитаже.

Со временем, в том числе и на основе надписи на Тмутараканском камне, была разработана палеография других древнерусских надписей, хотя специалисты, изучающие древнерусские тексты, имеют небезосновательные претензии к самому языку надписи. К примеру, русский историк М. П. Погодин писал: «В Эрмитаже опять посмотрел на Тмутараканский камень. Надпись как будто теперь иссечена и поневоле внушает сомнение. Такое сомнение возбуждало во мне отлично сохранившееся “ярославле сребро” в экземпляре графа Строгонова» (см. «Русский вестник», 1864, т. 10, март, стр. 379). Зимин А. А. в своём «Слове о полку Игореве» (работа была опубликована только в 2006 году) открыто обвинил графа в фальсификации. «Надпись на Тмутараканском камне (или её нижняя строка) могла быть сделана по распоряжению А. И. Мусина-Пушкина для доказательства существования на берегах Керченского пролива старинного русского княжества». Претензии имеются и к самой сажени как метрологической единице. Сравнение данных «Тмутараканского камня» с данными XIX века о ширине Керченского пролива приводит к заключению, что сажень при переводе в метрическую систему мер равна 142 см и в сажени 3 локтя. Против такого обычного для метрологической литературы вывода о сажени в древнерусском государстве категорически и убедительно возражает

Б. А. Рыбаков. Во-первых, ширина Керченского пролива, по его совершенно справедливому мнению, за девять веков могла измениться. Во-вторых, в древности не встречается деление крупной единицы на 3 мелкие части. Особенностью древней метрологии является деление на 2, 4 и 8. Более мелкая единица получалась от последовательного деления пополам. Если измерение производилось веревкой, то складывание её пополам давало точные доли сажени. В-третьих, величина древних единиц длины определялась частями тела человека. Сажень в 142 см частями тела человека не может быть определена. Рыбаков высказывает предположение о других размерах сажени, в частности о той, которой измеряли Керченский пролив в 1068 году. Для определения размера тмутараканской сажени можно использовать не данные XIX в. о ширине Керченского пролива, а измерения, сделанные за 100 лет до князя Глеба. Сообщение о ширине Керченского пролива содержится в сочинении византийского императора X в. Константина Багрянородного «Как надо управлять империей». Константин Багрянородный указывает, что ширина Керченского пролива равна 18 милям. При переводе в метрическую систему мер это составляет, по расчёту Рыбакова, 21 199 м или 2 119 900 см. Если на основании этих данных определить размеры сажени, то получим: $2\ 119\ 900 / 14\ 000 = 151,42 = \text{ок. } 152 \text{ см.}$

Также непонятно, почему именно в этом году замёрз лёд в Керченском проливе? Примерно в VIII–XIII вв. климат повсеместно стал сравнительно тёплым. Одна из современных наук палеоклиматология говорит, что начало средних веков совпало с наступлением малого климатического оптимума, так называемого Архызского периода влажности и оледенения. Потепление климата в тот период привело к таянию ледников, отступлению полярных льдов и как следствие происходило переселение различных племён на 200–300 км к северу от уже освоенных территорий. Этот период можно назвать также периодом забытых географических открытий. Викинги в то время свободно плавали в Гренландию. Так, каменные пирамиды норманнов, служившие им ориентирами, обнаружены на 79° с. ш. на берегу пролива Смита. Ирландские монахи вследствие потепления в Северной Атлантике смогли впервые открыть Фарерские о-ва, Исландию и, как теперь предполагают, Америку. Наиболее тёплый период этого оптимума приходился на территории нашей страны как раз на 950–1200 годы. Это подтверждено пробами, взятыми современными учёными из векового льда в Гренландии. На эти годы также приходится пик солнечной активности (минимум образования радиоуглерода). Потепление раннего средневековья привело к уменьшению увлажнённости в Европе, свидетельства чего найдены в отложениях торфяников в Средней Европе. На Руси до конца X в. также были благоприятные климатические условия: редко случались неурожаи, не было очень суровых зим и сильных засух, был открыт и интенсивно использовался путь «из варяг в греки». Малый же ледниковый период был зафиксирован позже с XIII по XVII век.

Но для Мусина-Пушкина перед опубликованием рукописи главным было обозначить и исторически узаконить местоположение Тмутаракани именно на Азовском побережье. И разбейтесь потом потомки, какая зима была 900 лет назад в том районе – холодная или теплая. Но даже если предположить, что зима в тот год была очень суровая, и пролив всё-таки перехватил льдом, то это был не тот лёд, по которому следовало бы ходить с рейкой. Он представлял бы из себя простое нагромождение подвижных льдин (торосы), как, например, в Беринговом проливе, и ходить там было бы опасно для жизни даже в самый суровый мороз. К тому же не надо забывать, что солёная вода замерзает при более низкой температуре, а также необходимо учитывать большую аккумуляторную способность Чёрного и Азовского морей в плане сохранения тепла, накапливаемую за продолжительный летний период. А если бы море не замёрзло, что тогда? Князь Глеб не смог бы замерить расстояние между двумя портами, да и какая у него в этом была необходимость, если противоположный берег в том месте можно увидеть невооружённым глазом. Может быть, граф считал, что, проводя на тот момент межевания недавно завоеванных земель, то же самое делали в прошлом русские князья, якобы сгонявшие половцев с их «родовых кочевий». Хотелось бы затронуть ещё один немаловажный аспект проблемы.

Мог ли вообще князь Глеб мерить пролив по морю? Судя по античным источникам Страбона и Геродота, этот водоём раньше называли Меотийское озеро, именно озеро, а значит, вода там была малосолёной. Полноводные реки Дон (Танаис) и Кубань наполняли водоём так, что солёные воды Чёрного моря не могли большой массой прорваться через пролив и «отравить» Азов солью и сероводородом. Что это нам даёт? То, что не могли современники князя Глеба, которые якобы делали надпись на камне, написать на нём «мерил море», они бы в лучшем случае написали «мерил озеро».

Вот таким воровским образом и закрепилось местоположение древнерусского града Тмутаракани – на Тамани. И эта фальсификация Мусина-Пушкина надолго стала общепризнанной, и нахождение там этого города не вызывало ни у кого сомнений, хотя во второй половине XX века отечественная археология не смогла чётко и уверенно ни подтвердить, ни опровергнуть, что этот город находился именно на побережье Азовского моря. Там не было найдено никаких археологических руин, которые бы чётко подтвердили богатое летописное прошлое легендарного города, не было вскрыто ни одного поля боя, которыми должен был, судя по летописям, изобиловать этот регион. А все найденные там исторические находки, судя по результатам проведённых экспедиций, относятся или к более ранним или к более поздним временным эпохам.

Итак, предполагая, что таинственная Тмутаракань находится в каком-то другом месте, во всяком случае, не на Тамани, попробуем при помощи косвенных методов и топонимики разобраться с местоположением этого города.

Топонимика (от греческого *topos* – место и *онома* – имя) живёт на стыке трех областей знаний: истории, географии и лингвистики, она имеет свои правила и законы, нарушение которых влечёт за собой грубые ошибки. Поэтому, решая историко-географические задачи, не стоит забывать об элементарных законах ономастики. Прежде всего, результат топонимического анализа во многом зависит от точности фиксации самого географического названия. Географическое название, если правильно понять его содержание, почти всегда обладает информативностью, т. к. оно возникло в результате осмысленного акта именования. А этот город явно отличается своим названием от других древнерусских городов своей нетипичностью, как бы несуразностью, и у простого человека это название всегда ассоциируется с дальней провинцией, этакая непролазная глухомань. В научно-исторической литературе традиционно город Тмутаракань принято считать местом пребывания князей – «изгоев». Постараемся перевести название этого древнего топонима, в котором смешались различные языковые понятия, сложенные из четырёх частей на современный русский язык. Написание самого слова в первоисточнике встречается в различных вариантах, как то: Тьмуторокань, Тьмуторакань, Тьмуторакань или Тмутаракань. Объединив все варианты, получим:

Тму – то [а] – ро [а] – кань. Этот сложносоставной топоним делится на несколько частей:
т [ь] му – тьма – слово пришло к нам из тюркской лексики от слова «тумен» (первоначально обозначавшее военное формирование, а затем им стали называть административно-территориальный округ) и по старорусскому счёту обозначает числительное – десять тысяч;

та – (пока перевода нет) – возможно, рукотворная (река);

ра – река, и не просто река, а величественная река;

кань – каган, город кагана.

Географическое название, как и всякое имя собственное, социально. Оно возникает из практической потребности людей назвать тот или иной объект. Какая же из характеристик объекта окажется той, что даёт основу для названия, зависит от уровня и характера экономического и политического развития общества и от социальной психологии людей. Получилось, что это город, где протекает десять тысяч великих каганских рек. Предположим далее, что вопреки миллеровской концепции истории русские воины всё-таки ходили в Италию в походы против римских кесарей в средние века. Где же тогда в Италии на берегу морского залива мы

найдем такой город? Где протекает десять тысяч Каганских рек? Это, безусловно, Венеция, построенная в живописной бухте мелководной морской лагуны, как в старину говорили, «лукоморье». Отделённая от беспокойного моря песчаной косой с тремя проливами, она и сейчас пленяет своей красотой и многочисленными каналами, теми самыми каганскими реками, вернее, рукотворно сделанными по воле кагана, властителя многих земель, которому, безусловно, принадлежала и Италия, вернее, северная её часть с плодородной долиной реки По. В связи с этим стоит поискать в Италии и других странах Средиземноморья названия таких городов и областей, где до наших дней сохранилась и присутствует часть слова «кан» или «кон», т. е. «каганский».

Рядность географических названий заключается в положении какого-то одного из них в ряду себе подобных. Такой тезис подтверждается многими примерами, что позволило В. А. Никонову говорить о законе ряда: «Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо, прежде всего, понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в определённом ряду названий». Приведу пример такого ряда для русских городов, названия которых дошли до нас из позднего Средневековья: Антополь, Белополье, Борисполь, Всполье (пригород Владимира, находящийся сейчас в черте города; такой же топоним существует в Ярославле), Гостинополье, Долгополье, Златополье, Ивановполь, Краснополье, Каргополь, Крыстынополь, Ряснополь, Святополье, Старополье, Триполье, Углич (древнейшая форма этого топонима – Угличе Поле), Чистополь, Юрьев-Польский (Польской), Ямполь, Ярополец и т. д. А вот пример другого топонимического ряда уже из Средней Азии с основой канд=кент, что на древнетюркском означает «город, селение»: Кандагар, Коканд, Пскент, Самарканд, Ташкент, Чемкент и т. д. В этих названиях ярко выражен закон ряда, кроме того каждое название должно специфически выделяться из данного ряда.

Попробуем составить топонимический ряд в алфавитном порядке для нашего случая в предполагаемом мною районе Средиземноморья. Итак: Аканту – порт на острове Кипр; Анкона – город на Адриатическом побережье Италии; Аскона – город в Швейцарии; Ватикан – один из семи римских холмов, дом когана, где и по сей день размещается римская курия; Канаро; Канны – селение в Юго-Восточной Италии (область Апулия недалеко от современного города Барлетты, место знаменитой битвы Ганнибала с римлянами); Каннето, Канельяно; Коканиле; Кона; Конкорецо (Coriga), ныне Герц; Конкордия, Консандоло; Консельве, Конселиче, Кантиано, Канфанар (город на п-ове Истр в Хорватии); Монфальконе; Петрикон (совр. Нови-Сад); Понт-Канадита; Тмутаракань (Венеция) – город, где размещалась своя независимая от Рима курия; Тоскана – название местности в центральной Италии, где ранее проживали этруски; Лукания – область на юге Италии (с одноимённым озером).

Этот ряд можно существенно расширить, если более целенаправленно изучать древнюю географию и названия старых городов Апеннинского п-ова и тех Средиземноморских портов, которые когда-то находились под властью Венецианской республики. При этом надо понимать, что они получили свои названия с этим корнем задолго до её образования. Например: не так давно итальянскими подводными археологами был найден город Конка (описанный ещё «древними» географами), который они обнаружили на морском мелководье недалеко от курортного городка Габичче. Морские порты и города с таким корнем есть во Франции – Кан, Канн, Тараскон; в Испании – Аликанте, на западе этой страны есть горы, под названием Кантабрийские, недалеко от Гибралтара Канарские о-ва. Особо в этом ряду стоит упомянуть обширную территорию на юго-востоке Европы – Балканы, которая была завоёвана в давние времена неким могущественным каганом Балтом, его имя носит также Балтийское море. Чёрный континент в древности также имел этот корень и назывался Африкан.

На побережье же Азовского моря и прилегающей к нему Донской степи мы такого ряда географических названий не обнаружим, за исключением одной (!), «причерноморской Тму-

таракани» (Тмутархи), появившейся там не без участия обер-прокурора Мусина-Пушкина с его липовым мраморным камнем. Впоследствии название города Тмутаракань в Северной Италии с уходом оттуда славян было забыто или сознательно вычеркнуто из исторических «анналов» и у этого города осталось его второе название, опять-таки славянского происхождения – Венец, ведь именно на венцах, на брёвнах из лиственницы стоит этот город. При строительстве сваи забивались густым частоколом в слабый грунт островов на глубину от 3 до 10 метров, а поверх них укладывались платформы из соединённых между собой брёвен. Благодаря большому содержанию в древесине лиственницы смолистых веществ это дерево не гниёт в воде, и чем дольше свая, изготовленная из него, находится в ней, тем крепче она становится. Как эти лиственницы (миллионы стволов) попали из Сибири через Далмацию в Италию? Кто повелел возвести этот архитектурный шедевр в мелководной морской лагуне? Не иначе как по каганскому указу. Это был, по сути, венец творения свайно-водяных поселений, которые были найдены впоследствии подводными археологами в других районах Италии и в озёрах Швейцарии.

Некоторые же историки предлагают переводить название этого города от слова «венечносный», т. е. город, где венчались на царство эти самые каганы. Недаром на гербе Венеции изображён лев – символ царской власти, и этот символ говорит о многом! Скорее всего, именно под этим городом и следует понимать раннесредневековый, легендарный город Царьград, к которому так часто ходили наши первые князья за данью, а не в пресловутый Константинополь, который непонятно зачем так много раз осаждали. Многие читатели удивятся, мол, что за бред? Какой Каган? Какой властелин земли? При чём тут Венеция? О чём вообще речь? Ведь история средневековой Западной Европы X–XII веков давно написана, все события датированы, практически всё исследовано. Если и были какие-то каганы или ханы, то они явно правили не в это время и не в этом месте, а где-то далеко на Востоке, в «дремучей» Азии. В центр же Европы, тем более в Италию их бы и близко не пустили в XII-то веке.

Но так ли всё было на самом деле? После того, как становится понятно, насколько глубоко была сфальсифицирована история Древней Руси и всей Западной Европы, а настоящие и правильные исторические документы и манускрипты были безжалостно сожжены и уничтожены на средневековых кострах инквизиции – аутодафе, что значит буквально «дело веры». Почему это происходило? Почему так остервенело уничтожались памятники архитектуры, сжигались и смывались рукописи, предавались анафеме великие учёные и просветители того времени? Наша задача выяснить, было ли это, если да, то когда, и так ли было, как сказано, и если не так, то почему так написано, то есть ради кого или чего введено искажение прошлого. Складывается такое впечатление, что некое высокопоставленное преступное сообщество людей, руководствуясь клановыми интересами и опираясь на безнаказанность и вседозволенность, планомерно и целенаправленно уничтожало вещественные доказательства и культурные ценности предыдущей эпохи. Уничтожались также все улики, которые могли в будущем пролить свет на их неприглядную деятельность в плане создания этими «учёными» новой истории и новой хронологии для своих царствующих повелителей. А прикрывали они свои деяния именем Господа, ведь именно в период с XVI–XVII веков под руководством религиозных фанатиков молодые и амбициозные «западные просветители», в том числе так называемые итальянские «гуманисты», начали переписывать историю мировой цивилизации в нужном для себя аспекте. Как ни странно это прозвучит, но большую роль в этом процессе сыграло быстрыми темпами развивающееся книгопечатание. Древние манускрипты, трактаты и рукописи, переписываемые в течение столетий от руки, исправлялись ими и фальсифицировались в нужном для них ключе, а затем тиражировались в массовом количестве, подлинники же затем уничтожались. До нашего времени сохранились лишь те литографии, которые не несут какой-либо важной информации и блещут своей бессодержательностью. Но уничтожить все письменные и архитектурные памятники предыдущей эпохи было физически невозможно, слишком большое культурное наследие за трёхсотлетний период своего правления оставила после себя Великая монгольская

империя, распространявшая своё влияние на весь мир, в том числе и на всю Западную Европу. Впоследствии было решено перенести все её культурные и технические достижения на более ранние исторические вехи и разбить их по частям. А когда из небытия всплывал тот или иной документ или литературный памятник предыдущей эпохи, как это случилось со «Словом» или, к примеру, с поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (подлинник которой тоже был безвозвратно утерян), то сразу же официальные историки и предвзятые исследователи старались субъективно датировать их более ранним временным периодом. Чтобы эти вновь открытые произведения четко укладывались в нужную хронологическую сетку, которую не так давно сформулировали и «обосновали» их предшественники и учителя. Подлинники же, являвшиеся ненужными свидетелями, в более позднее время уничтожали более изощённо и не так открыто, как это делалось ранее, а эти «учёные» предлагали уже на суд публике более «правильную» и отредактированную копию этого произведения. Анализ сохранившихся летописей, к сожалению, показывает, что документы, дошедшие до нас, не исторические, а литературно-политические и содержат мало информации для выявления действительного положения дел. В них были собраны народные преданья, былины и рассказы, явно противоречащие друг другу, вследствие чего они стали крайне тенденциозными. В них одни и те же политические персонажи живут и действуют в разные исторические эпохи, повторяя через поколение судьбу своих предшественников, при этом существуя как бы вне времени и пространства.

Общеизвестен пример такой исторической инсценировки – это Никоновская летопись, названная так по принадлежности одного из её списков патриарху Никону. Основная часть этого свода была составлена около 1539–1542 года в книгописной мастерской митрополита Н. А. Даниила. Она представляет собой громадную компиляцию, созданную на основе многих, в том числе не сохранившихся до нашего времени, источников. Составители Никоновской летописи подвергли имевшиеся у них материалы значительной редакционной обработке и создали концепцию, согласно которой руководящая роль в образовании Русского государства принадлежит московским князьям, действовавшим в союзе с церковью. Несколько позднее, в 60–70 годах XVI в. был составлен иллюстрированный Лицевой летописный свод для этой летописи, что свидетельствует о стремлении придать ей характер официального толкования исторических событий. Как хорошо сказано про этот процесс у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове»: «...И пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет...».

И всё-таки по косвенным источникам, которые пережили тёмные времена мракобесия, можно сделать определённые выводы. Например, вспомогательная историческая дисциплина «сфрагистика», изучающая печати, частично поможет нам в решении этого вопроса. Ведь печати, сохранившиеся в отрыве от документов, которые они когда-то скрепляли, зачастую становятся важнейшими источниками для изучения различных институтов государственной власти в ту или иную эпоху. Среди сфрагистических памятников Киевской Руси существует небольшая группа, представленная семью печатями. На них с одной стороны изображён Святой Климент IV (считавшийся третьим, после апостола Петра, римским папой, по легенде сосланным императором Трояном на каторжные работы в Корсунь, умер ок. 101 года и попал в число святых, как один из первых христианских мучеников), а с другой надпись: «От Ратибора» (рис. 3). Особо следует отметить, что на них впервые употребляется для надписей русский язык. В ранней славянской литературе культ Климента занимал самое почётное место, у славян возникают «Житие Климента», «Слово об обретении его мощей», проложные сказания. Культ Климента имел большое значение и для раннего русского христианства, потому что он был непосредственным преемником Петра по председательству в римской церкви и постановление в епископы получил от первенствующего апостола. В Десятиной церкви имелся придел в его честь, а Титмар Мерзебургский, побывавший в Киеве в 1017 году, прямо называет эту церковь храмом святого Климента. В корсунском сказании говорится о перенесении Владимиром мощей Климента и его ученика Фива в Киев. Прославления Климента в первую

очередь добивалась, прежде всего, Десятинная церковь, поскольку она претендовала на его наследство. «Слово об обновлении Десятинной церкви» прямо посвящается Клименту и представляет его заступником, патроном всей Русской земли. Киев же превосходит славою другие города именно потому, что в нём находятся мощи этого святого. Клириком Десятинной церкви написано «Чудо св[ятого] Климента о отрачати». Через притчу об отроке говорится о спасении русского народа, которому покровительствует Климент, пришедший из Рима через Корсунь в Киев. Ю. К. Бегунов убедительно датирует это произведение временем Изяслава Ярославича (умер в 1078) и указывает на постепенное оттеснение культа Климента с конца XI века новым святым – Николой, культ которого, видимо, был связан с Софийским собором.

Все семь печатей, своеобразно оформленные, принадлежали крупному сановнику княжеского происхождения Ратибору (?–1113), который сначала был посадником Великого князя Всеволода Ярославича в Переяславле, а с 1079 года стал его представителем в Тмутаракани, чтобы держать под контролем это постоянное убежище князей-изгоев. Участник походов на половцев, в 1100 году он присутствует на Витичёвском съезде (Витичёв – город южнее Киева). А в 1113 году Ратибор уже в качестве киевского тысяцкого участвует в знаменитом совещании князей в Берестове, где окончательно были поделены между участниками походов завоёванные ими на Балканах и в Северной Италии земли (Берестов – княжеское село под Киевом, не путать с городом Берестье на реке Мухавец – современный Брест). Ратибор к тому же являлся одним из авторов «Устава Мономаха», который наряду с «Правдой Ярослава» и «Правдой Ярославича» вошел в свод законов древнерусского феодального права под общим названием «Русская Правда», а также участвовал в разработке правил, регламентирующих деятельность ростовщиков. Всего к настоящему времени насчитывается семь разновидностей печатей боярина Ратибора, представленных одиннадцатью оттисками. Помимо этого две неизданные печати Ратибора остаются неучтенными. Одна из них обнаружена в Судаке (Крым), другая в с. Погребы Броварского р-на Киевской обл.

Рис. 3. Печать «От Ратибора» с изображением св. Климента, папы римского в святительских ризах Ратибор, боярин (последняя четверть XI – первая четверть XII в.)

Рис. 3А: в. Погрудное изображение св. Климента I, папы римского в епископском облачении; правой рукой святой благословляет, в левой держит Евангелие.

Надо заметить, что не только славяне воспользовались законами ушедшей в небытие Римской империи. В середине первого тысячелетия начали формироваться так называемые «варварские правды»: у салических франков появилась «Салическая правда», у рипуарских – «Рипуарская правда», у древних саксов – «Саксонская правда» и т. д. До принятия этих кодексов общинная жизнь славян строилась на основе так называемого обычного неписаного права, восходившего к древним временам. На долю «Русской Правды» выпало юридическое разрешение противоречий, возникающих в результате становления и развития, новых общественных отношений в стране. Нововведённое законодательство позволяло уловить перемены именно в этой области. Под названием «Русская Правда» скрывается целый комплекс документов XI–XII веков. В древнейшей её части, в «Правде Ярослава», законодатель ещё не отказывается от такого обычая, свойственного родовому строю, как кровная месть. Но в ней предполагается возможность другого способа разрешения конфликта, который ограничивает разрушительную силу этой дикой традиции и соответствует уже взгляду государства на месть. В более позднем законодательстве в «Пространной Правде Ярославичей» (сост. в 1072 г.) кровная месть уже запрещена – вместо неё пострадавшая сторона получает материальное возмещение, а виновные наказываются уже не самосудом, а княжеским судом. Разбирая судебные дела, удельные князья подбирали из «Правды» своего племени соответствующие постановления и назначали соответствующие наказания. Главным образом в ней предусматривалась защита жизни и имущества княжеских дружинников и слуг, а также включалось обязательное и наследственное право, но многие сферы жизни по-прежнему не затрагивались. Наличие на печатях Ратибора фигуры Святого Климента наводит на мысль, что провинция, где он был полным хозяином, была именно в Италии. А свои обширные юридические знания он почерпнул у латинов, которые попали к нему в политическую и экономическую зависимость после завоевания славянами их земель, на чём, собственно говоря, и настаивали в своих работах Ломоносов, Крекшин и другие историки петровской эпохи. Ратибор в полной мере использовал доставшееся ему в наследство от развалившейся Западной Римской империи «Римское право» для составления «Русской правды». Основным стержнем римского права, которое римляне в свою очередь позаимствовали у этрусков, было право частной собственности. Как и другие виды «вещных» прав, они были всесторонне и тщательно разработаны и имели богатую, многовековую юридическую практику. Важное место среди институтов римского права занимает обязательное право, и прежде всего – договор (*contractus*). Разработанная римскими юристами система договоров обеспечивала, прежде всего, стабильность торгового оборота в государстве. Ратибор и его сподвижники при введении нового законодательства не слепо копировали римские законы, они учитывали местные традиции и национальные особенности славян. Ещё в конце

XIX столетия было указано на некоторые латинские черты в древнерусском праве. Общность этих двух юриспруденций дошла и сохранилась в том или ином виде до наших дней.

Как только становится понятным, куда и против кого водил Игорь свои полки, большинство «тёмных мест» в «Слове» проясняются и практически всё становится на свои места. Текст приобретает внутреннюю связанность. Все звери и птицы, которых описывает Автор в своём произведении, сразу же гармонично вписываются в свою естественную среду обитания. Никакой степью даже близко «не пахнет», само слово «степь» ни разу не встречается в «Слове». Многочисленные комментаторы просто отождествляют её с полем, что в корне неверно, под полями следует понимать плодородные и живописные поля в долине реки По, на которых с давних пор выращивались пшеница, ячмень, развивалось рисосеяние, культивировались цитрусовые, оливки и виноград. А степняки, надо заметить, как раз участвуют в походе на стороне Игоря и являются его главными союзниками в борьбе против половцев. Авары, аланы, адыги – это не какие-то дикие азиаты, а бывшие давние соседи славян, которые все вместе в далекие времена, во время Великого переселения народов, вышли с Иранского нагорья, с Алтая, из Индии и расселились по всей Южной Европе, в том числе в Северной Италии и на Балканах. Они осели в тех местах, частично ассимилировались с местными племенами, именно они несли первоначальное культурное просвещение. Назовём этот процесс протославянской колонизацией. Тмутараканский же удел Киевского княжества в начале XI века был самой отдалённой западной резиденцией русских великих князей (каганов), и на протяжении двухсот лет он был своего рода «кошельком империи», её культурным, финансовым и торговым центром, который они постоянно обустроивали. В город стекаются богатства, строятся великолепные дворцы, соборы, роскошные здания, которые со временем одеваются мрамором и позолотой. Прокладываются новые каналы и засыпаются старые, строятся изящные мосты. Но со временем вследствие династических споров и религиозной розни бывших соплеменников Тмутаракань становится камнем преткновения и объектом споров за право владения между бывшими союзниками и недавно появившимися в этом регионе племенами половцев, военные вожди которых тоже хотели заполучить свою долю от экономической деятельности города и всего региона. Вследствие всех этих причин князем Игорем была предпринята, говоря современным языком, военная экспедиция в Венецию (Тмутаракань) за сбором дани, которую половцы (племена гузов), ставшие на тот момент там полными хозяевами, давно уже не выплачивали (они «отложились»). Заодно Игорь хочет укротить своенравный удел, который стремится к экономической и политической самостоятельности, и всеми силами старается отойти от своей бывшей метрополии в Киеве. На тот момент Венеция была одним из главных посреднических центров «мировой» (по тогдашним масштабам) торговли между Востоком и Западом. Это была своеобразная «Уолл-Стрит» раннего средневековья: шёлк, пряности, меха, ювелирные украшения, изделия из керамики, оружие, природные красители (индиго), которые добывались только на востоке, – абсолютно все виды товаров проходили через её порт. Культурный и научный обмен, торговые экспедиции в далёкие земли – всё финансировалось оттуда. Там закладывались основы банковской системы и оттачивались механизмы различных видов кредитования. Совершенствовались правила обмена и пересчёта монет разных стран. Возникла система безналичного перевода крупных денежных сумм в далёкие заморские страны, где имелись торговые представительства венецианцев (Индия, Китай, Персия). В Венеции впервые стали страховать морские грузы, а также заключались практически все крупные сделки того времени. Именно в Венеции зародились и вошли в словарный оборот многие финансовые, торговые и математические термины, которыми до сих пор пользуются бизнесмены и экономисты всего мира. Перечисление их займёт не одну страницу. После падения в 1453 году Константинополя Венеция в силу ряда обстоятельств утратила своё геополитическое влияние в мире. Поэтому для Северной Италии закрытие торговых путей на Восток с приходом турков-османов явилось завершающим, подводящим итог моментом. Это можно объяснить тем, что турки

вплотную подошли к Адриатике, поставив под свой контроль основные пути на Восток, лишив, таким образом, Венецианскую республику её заморских портов. А эпоха Великих географических открытий, открывшая новые рынки Испании, Португалии, Англии, Голландии переориентировала основные торговые пути на Запад, лишив венецианцев торгового преимущества. Но Венеция, накопившая большие богатства, на протяжении столетий оставалась банковским центром Европы. Её неповторимый облик и царское величие, пышные соборы и правительственные резиденции сохранились и дошли до наших дней.

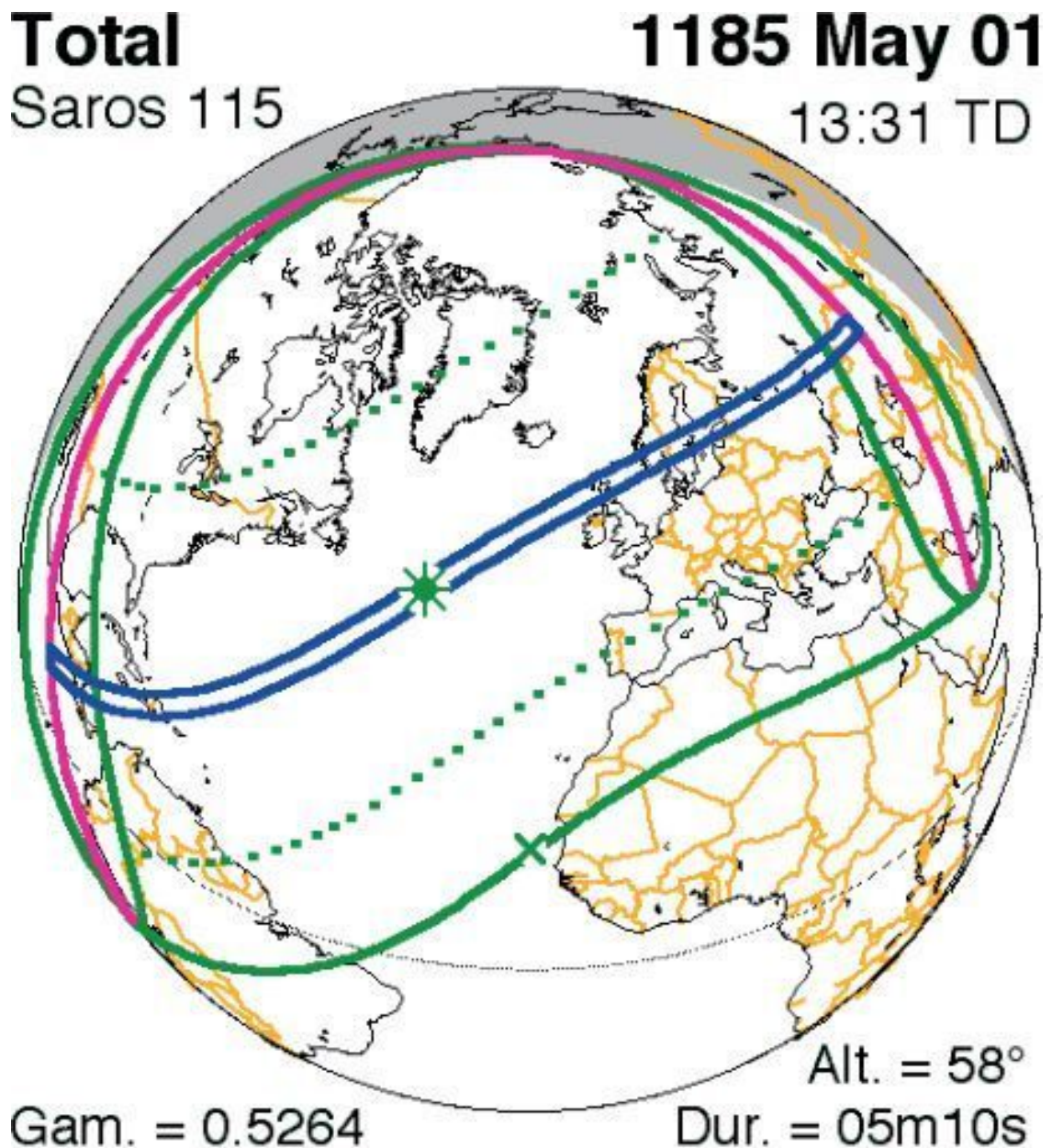
Веда на Запад, к Венеции (в Тмутаракань) по старым и хорошо знакомым речным, степным и горным дорогам свои полки, Игорь, безусловно, надеялся на успех. Относительно недавняя громкая победа русской дружины над половцами под началом его отца Святослава окрыляла русичей и вселяла в них уверенность. Почему Игоря постигла неудача в том злополучном походе? И в чём кроется причина? На эти вопросы я и постараюсь ответить в своей работе.

Теперь о времени: когда же мог состояться сам поход? Дату 24 апреля (1 мая по н. с.) 1185 года, которая считается общепринятой, многие независимые исследователи ставят под сомнение. Почему? Какие могут быть сомнения в этом вопросе? Первоиздатели взяли дату 23 апреля (30 апреля по н. с.) из Ипатьевской летописи, советские астрономы, скорректировав своими расчётами, подтвердили, что действительно 1 мая (по н. с.) 1185 года в районе Курска наблюдалось частичное солнечное затмение, при этом сама полоса полного солнечного затмения прошла с запада на восток в районе Великого Новгорода. И вот, к примеру, А. Н. Лаврухин в полемической статье «Многоточие академика», опубликованной в его интернет-журнале (an-lavruhin.livejournal.com) утверждает, что имеются расхождения даты выступления в самих источниках. И эти противоречия, к сожалению, малоизвестны широкому кругу читателей. Так, например, Ипатьевская летопись совершенно точно указывает дату начала похода – 23 апреля и как вариант 13 апреля по её Хлебниковскому списку, т. е. в ней утверждается, что Игорь выступил в поход до 1 мая. А в Лаврентьевской летописи утверждается, что поход был начат после солнечного затмения 18 мая. Значит, предполагает он, какая-то летопись из двух была сфабрикована, и, по сути, он прав, не замечать такое несоответствие нельзя. От учёных занимающихся проблематикой СПИ, хотелось бы услышать хотя бы какое-то внятное объяснение этого противоречия. Но они публично не дискутируют по этому вопросу, считая, что обсуждать в принципе нечего. А ведь по большому счёту проблема датировки начала похода упирается в вопрос достоверности самой рукописи «Слова», и, уходя от обсуждения этой проблемы, они невольно подогревают интерес тех учёных, которые несмотря ни на какие доводы по-прежнему стремятся подвергнуть сомнению подлинность этого литературного памятника. Я считаю, что промежуточный военно-полевой стан, где проходил сбор основных сил после перехода по Галиции и Дунаю, их смотр и войсковой круг, и в котором дружину Игоря застала полоса полного солнечного затмения, был не там, где его обычно принято размещать, а совершенно в другом месте. Это как раз тот случай, который учит нас не поддаваться гипнозу слов «доказано астрономически» и каждый раз проверять все дополнительные предположения. Зелёными линиями на рис. № 4 отмечены границы лунной полутени, звёздочка соответствует точке наибольшего затмения. Границы видимости полной фазы тени показаны синими линиями.

Полное солнечное затмение первого мая 1185 года – это 30-е затмение сто пятнадцатого Сароса. Область наилучшей его видимости попадает в средние широты северного полушария. Максимум затмение достигает в точке с координатами 46° северной широты, 37.2° западной долготы, длится в максимуме 5 минут 10 секунд, а ширина лунной тени на земной поверхности составляет 280 километров. В момент и в точке наибольшего затмения направление на солнце (азимут) составляет 149°, а высота солнца над горизонтом составляет 58°. Динамическое мировое время в момент наибольшего затмения: 13:30:57. Ось тени проходит между центром Земли и Северным полюсом, минимальное расстояние от центра Земли до оси конуса

лунной тени составляет 3357 километров. Таким образом, Гамма затмения равна 0.5264, а максимальная фаза достигает 1.0736.

Солнечные и лунные затмения бывают сравнительно часто, но они видны не со всех участков земной поверхности и поэтому многим людям кажутся редкими. Полное солнечное затмение – редкое явление для каждой данной местности, в одной точке земной поверхности его можно наблюдать раз в 300–400 лет. Но для Земли в целом за 18 лет случается 43 солнечных затмения. Солнечное затмение всегда происходит в момент новолуния, но не в каждое новолуние происходит солнечное затмение. Из-за наклона орбиты Луны к плоскости земной орбиты на $5^\circ 9'$ Луна обычно немного «промахивается» и проходит выше или ниже Солнца в момент новолуния. Однако не менее двух раз в году (но не более пяти) тень Луны падает на Землю и происходит солнечное затмение, причём одно из них, как правило, полное или кольцеобразное, и они являются своеобразными отпечатками пальцев в хронологии. В среднем за 100 лет происходит 238 солнечных затмений (83 кольцеобразных, 71 полное и 84 частных), при этом каждый участок на земле получает в среднем одно солнечное затмение с фазой не меньше 6 баллов на протяжении 10–20 лет до или после любой даты. К примеру, занимаясь предвычислениями затмений и проблемами хронологии, известный русский астроном М. А. Вильев (1893–1919) в своей книге «Каноны Русских затмений» (изданной в 1915 году) задаёт интересный вопрос, на который нет ответа. Во всех летописях, дошедших до нас, должно быть описание по крайней мере 300 солнечных затмений, а реально, если разбирать все списки, до нас дошло описание только 49. Где же описание остальных затмений? «За 665 лет, с 1060 по 1715 гг., в России было видно 283 солнечных затмения, из них 147 для Новгородско-Киевской Руси имели фазу 0,5 солнечного диаметра и более. Судя же по летописным указаниям, в России наблюдалось 49 затмений, т. е. 33 %, остальные же не попали в летописи; их не заметили, либо было пасмурно, либо, наконец, их описания не дошли до нас, так как многие летописи были утрачены. Что же касается лунных затмений, то за тот же период времени из 618 затмений, бывших в России, попало в летописи только 40, т. е. только 6.3 %». В своей книге М. А. Вильев, стараясь устранить этот пробел, приводит свои расчёты солнечных и лунных затмений с 1060 по 1715 год на Среднерусской возвышенности (канон М. А. Вильева переиздан в работе Д. О. Святского «Астрономические явления в русских летописях»).

Five Millennium Canon of Solar Eclipses (Espenak & Meeus)

Рис. 4. Полное солнечное затмение 1 мая 1185 года

Каждое полное солнечное затмение происходит в узкой (250–270 км) и притом в определённой части земной поверхности. А от года к году положение этой полосы значительно меняется вследствие сложной лунной орбиты, на которую, кроме Солнца и Земли, влияет притяжение других планет (скажем, Юпитера). Сами затмения при этом периодически повторяются через определённый промежуток времени, так называемый «сарос», составляющий 18 лет 11 дней 7 часов, за который происходит 41 солнечное затмение, в том числе 10 полных и 29 лунных. Но лунная тень в следующий раз проходит уже в другом районе земли, т. к. сарос не содержит целого числа суток, а за избыток $1/3$ суток (сверх 6585 дней) Земля повернётся вокруг оси примерно на 120° . Поэтому лунная тень пробежит по земной поверхности на те же 120° западнее, чем 18 лет назад, к тому же и Солнце с Луной будут находиться на несколько иных расстояниях. По местности, в которой происходило полное или кольцеобразное солнечное затмение,

в современных условиях с помощью вычислений можно абсолютно точно установить его дату. Если мы знаем место, где произошло затмение, то мы без труда узнаем время, когда произошло то или иное описанное в летописи событие, и наоборот. Но пока ни времени, ни места, где происходил «войсковой круг», во время которого и произошло описанное в «Слове» затмение, лично я не знаю, если не считать традиционной версии. У меня есть одно предположение по этому поводу. Первоначально в районе современной Белой Церкви на Украине (по-старому г. Юрьев) полки Игоря и Всеволода встретились в этом месте и уже отсюда ушли в поход на половцев в Северную Италию. Одна половина водным путём по рекам Рось, Днепр, Дунай, Сава и Купа (Лаба). Другая половина полков – конным переходом через Ужгород, Волынь и Венгрию, вдоль Тисы или по ней к слиянию рек Дунай и Сава. И можно предположить, что местом, в котором могло застать солнечное затмение Игореву дружину, был район Белграда (Сербия), возможно, там встречались и приводили себя в порядок после длительного перехода перед последним броском через старинный горный волок основные силы Игоря и Всеволода. Если бы полоса солнечного затмения прошла в районе Курска или Киева, то, вероятно, князь Игорь отложил бы сам поход, потому что киевские звездочёты наверняка бы предупредили его о скором наступлении затмения в этом месте, т. к. они могли точно предсказывать как лунные, так и солнечные затмения. В своих расчетах средневековые астрономы использовали не современный сарос, а его утроенное значение (19756 дней: 54 года 33 дня), заимствованное у греков и подтвержденное длительными наблюдениями на большой территории. Эти знания перешли к ним от астрономов древнего Востока (шумеры). При использовании этого периода излишка в 1/3 суток (сверх 6585 дней) не получалось, поскольку $3 \times 1/3 = 1$ сутки, и предсказанные затмения проходили на той же территории, но, конечно, уже с несколько иными фазами. В конце сароса взаимное расположение объектов в системе Земля – Луна – Солнце повторяется с такой высокой точностью, что её вполне достаточно для предсказания солнечных и лунных затмений, если известны прошлые затмения с начала сароса. Все эти небесные явления скрупулезно отмечались в летописях, следовательно, прибавляя этот период к датам прошедших затмений, монахам нетрудно было предсказать даты ожидаемых затмений с точностью до 1–2 суток. Правда, в связи с постепенно изменяющимися условиями повторения затмений изредка предсказанное затмение не наступало, но остальные чередовались в правильной последовательности. К тому же знание сароса не всегда дает точный прогноз, что полоса затмения пройдет в предсказанном оракулами районе. Об ожидавшихся, но несостоявшихся затмениях тоже имеются записи в древних летописях. Из района же Белграда (Сербия), где вероятно и произошло описанное в «Слове» затмение, и местоположение которого киевским астрологам предсказать было практически невозможно, полкам Игоря возвращаться уже не было смысла. К тому же сразу после литературного описания затмения в «Слове» идёт непосредственное перечисление земель, на тот момент принадлежавших уже половцам: Влозе, Поморие и т. д., ведь именно живущих на этих землях половцев предупредил своим криком Див (Дэф). В традиционном же понимании местоположения военного стана в районе Курска сомнительно в том плане, что Солнце в этом месте во время солнечного затмения 1185 года было ущербно всего лишь на треть, и смотреть на него, не защищая глаза, было невозможно. А если заранее не было известно, что в этом районе состоится затмение, оно могло остаться незамеченным, тем более в условиях облачности. Так что в любом случае первоначальный вариант солнечного затмения 1.05.1185 года применительно к «Слову» оказывается неверным, и если у современного исследователя нет веры летописям, то остаётся только одна надежда на археологию. Окончательный ответ на вопрос о датировке битвы на реке Каяле можно будет дать только после археологических изысканий в предполагаемом мною районе недалеко от дельты реки По и объективного радиоуглеродного анализа тех предметов, которые будут найдены на месте этого сражения, а также после астрономического просчёта полос полных солнечных затмений в районе Балкан, на территории современной Сербии (по-старому в Шумадии) или Византии в тот период. В

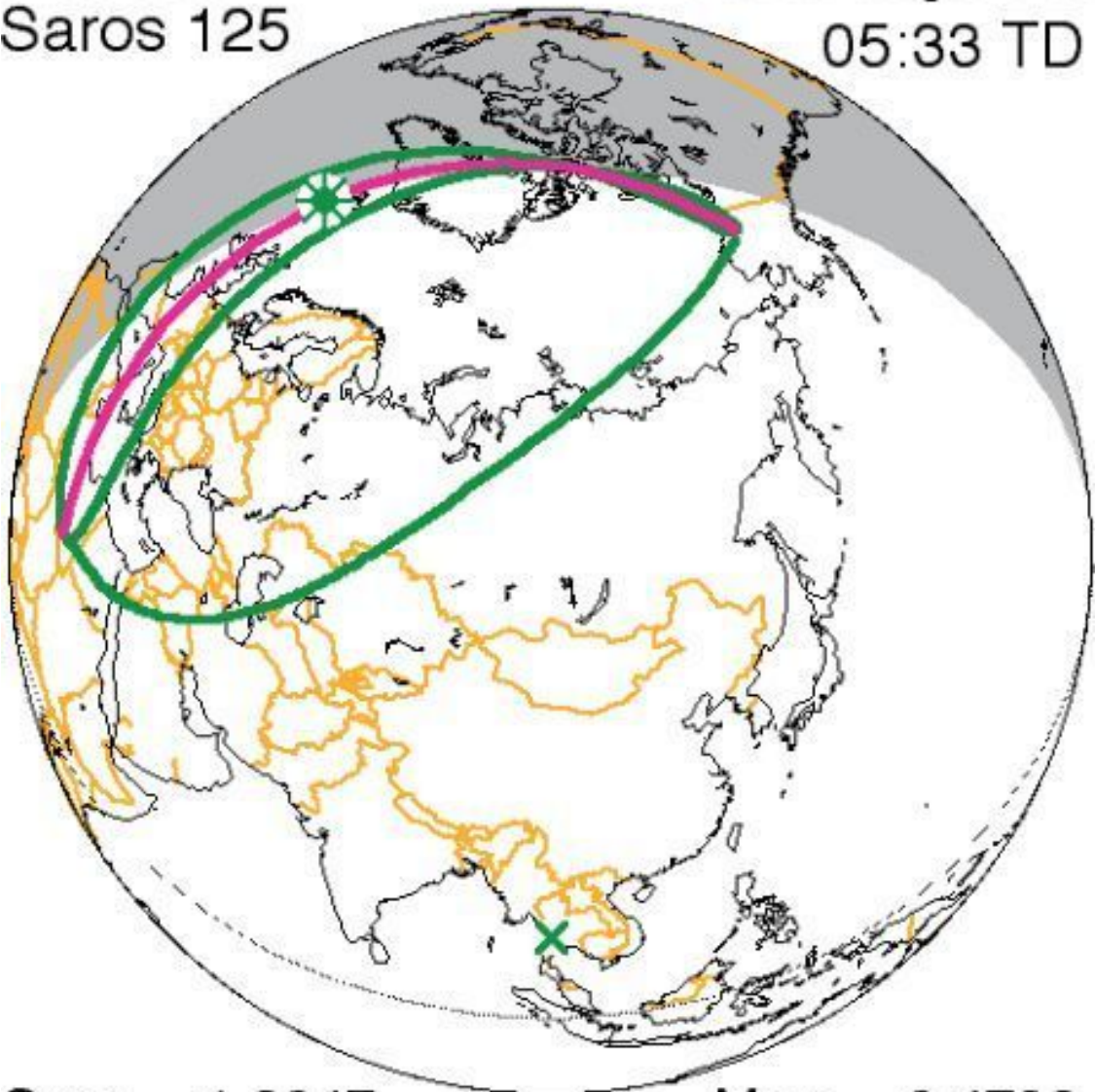
точке пересечения этих двух условий мы и найдём искомую дату. Если такой результат будет получен, то эта дата будет объективной реперной точкой в хронологии похода. К тому же надо помнить о том, что дань, собранную Игорем в граде Тмутаракани и затопленную им в Каяле, ещё никто не нашёл и не поднял со дна реки. Важно помнить, что находит не тот, кто копает, а тот, кто знает, где копать. Монетный клад – источник объективный, беспристрастный и при всей его специфике очень информативный. И если этот клад будет со временем обнаружен, то по найденным в нём вещам и монетам можно будет определить примерное время похода.

И как один из возможных вариантов можно предположить, что начало похода пришлось на другое затмение, а именно на 21 апреля 1186 года (рис. 5). Зелёными линиями отмечены границы лунной полутени, звёздочка соответствует точке наибольшего затмения.

Затмение имеет только одну границу полутени. Частное солнечное затмение двадцать первого апреля 1186 года – это восьмое затмение сто двадцать пятого сароса. Область наилучшей его видимости попадает в приполярные и средние широты северного полушария. Максимум затмения достигает в точке с координатами 62° северной широты, 18.6° западной долготы и не имеет центральной полосы полной фазы. В момент и в точке наибольшего затмения направление на солнце (азимут) составляет 59° . Динамическое мировое время в момент наибольшего затмения: 05:32:46, поправка динамического времени: 770 секунд. Ось тени проходит около северного полюса, не пересекая поверхность Земли, минимальное расстояние от центра Земли до оси конуса лунной тени составляет 8194 километра. Таким образом, Гамма затмения равна 1.2847, а максимальная фаза достигает 0.4732.

Partial
Saros 125

1186 Apr 21
05:33 TD

Gamma. = 1.2847

Mag. = 0.4732

Five Millennium Canon of Solar Eclipses (Espenak & Meeus)

Рис. 5. Предположительное солнечное затмение в Сербии на момент похода

Проблема датировки похода напрямую связана с другой научной проблемой – с датировкой написания самого произведения. К примеру, исследовательница Н. С. Демкова датирует «Слово» серединой 90-х годов XII века. Она считает, что верхней границей написания «Слова» является май 1196 года – время смерти Всеволода Святославича: «здравница» в его честь в конце песни, бесспорно, свидетельствует о создании «Слова» до его смерти. Нижняя граница – июль 1194 года, время смерти великого князя киевского Святослава Всеволодовича. По мнению Демковой, отсутствие «здравницы» ему в конце поэмы и характер «сна Святослава» говорят о том, что произведение писалось после его смерти. Политическая ситуация периода 1194–1196 гг., как считает Демкова, отвечает многим характеристикам и образам.

Говоря о «Слове», нельзя обойти вниманием ещё одну любопытную деталь. В каждой научной работе советского периода, посвященной «Слову», как сокральная мантра была встав-

лена цитата из трудов марксистских классиков, а иначе её просто не допустили бы к печати, я её тоже приведу для молодого поколения. Маркс в письме к Энгельсу пишет: «Суть поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ, вся песнь носит героически христианский характер, хотя языческие элементы выступают ещё весьма заметно». В принципе такой анализ произведения вроде бы верный, только причём тут монголо-татары? Автор «Слова» был, безусловно, гений, но не пророк. Основная идея «Слова» заключается в том, чтобы убедить удельных князей соблюдать сложившиеся столетиями определённые и всеми признанные законы престолонаследования, так называемое «лествичное право», где основным и главным претендентом на престол является старший сын великого князя. Если же по каким-то причинам его не стало, то на престол становится старший из рода. Например, дядя, но ни в коем случае не младшие дети князя. Их доля – это удельные, провинциальные княжества. Но, как известно, идеальных законов не существует, и не все правители бывают великодушными, проницательными и мудрыми. Поэтому Автор «Слова» постоянно приводит примеры того, к чему приводили распри в прошлом и к чему могла привести назревающая на тот момент княжеская усобица. Всеми признанный, а главное законный князь на престоле – вот одно из основных условий гармоничного развития государства, укрепление его политической, экономической и военной мощи, способное дать отпор любому завоевателю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.